

Борис Власов

ГОСПОДИН НИКТО

Борис Власов
Господин Никто

«Издательские решения»

Власов Б. П.

Господин Никто / Б. П. Власов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749784-2

Ещё вчера Александр был преуспевающим бизнесменом. А сегодня судьба жестоко посмеялась над ним. Он в одночасье лишился работы, квартиры, жены и даже имени. Когда человек попадает в зону отчуждения и не может опереться на закон, он вынужден действовать по своим правилам...

ISBN 978-5-44-749784-2

© Власов Б. П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Господин Никто

Борис Павлович Власов

© Борис Павлович Власов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Ири-и-и-на! Тебя-я-я к телефону! – нараспев сказала секретарь директора, зайдя в комнату, где переодевались девушки.

– А кто не знаешь? – спросила Ирина, поправляя перед настенным зеркалом роскошную прическу. На сегодня работа окончена, можно уйти пораньше и провести остаток вечера в компании друзей.

– Не знаю, он не представился, – равнодушно пожалла острыми плечиками невзрачная секретарша, племянница хозяина агентства мод.

Ирина с удовольствием окинула себя влюбленным взглядом, отмечая достоинства своей красивой фигуры. Она еще повернулась боком и вдруг прикусила губу. «Неужели Саша объявился? Что ему надо от меня? Пропал на несколько дней и даже не соизволил позвонить. Пьянствовал, видимо, где-то, а теперь пришел домой и понял, что я ушла от него навсегда».

Пока мужа не было, она перевезла свои вещи к одной из подруг, у которой поселилась временно. Ирина за эти дни подала заявление на развод и рассчитывала вскоре продать их новую трехкомнатную квартиру, чтобы затем купить две однокомнатные. Она отлично знала, что Саша не будет возражать. Свою машину, подаренную ей мужем после свадьбы, она тоже благоразумно продала. Причем в течение одного дня, по генеральной доверенности. Скажет – угнали. И все.

«А может это Сан Саныч звонит?» – мелькнула неприязненная мысль. «Дура набитая», – ругала себя Ирина, идя к телефону. «Зачем любовника потащила домой? Похвалиться хотела? Вот и похвалилась... Сашка ему челюсть сломал».

Сейчас Сан Саныч требует у нее денежную компенсацию за причиненный ущерб здоровью и моральный вред. Она сама виновата – можно было продать машину и без его помощи. А теперь он знает, что у нее есть деньги.

«И вообще надо было с этим Сан Санычем распрощаться, как только вышла замуж. За все его услуги я „расплатилась“ с ним сполна», – Ирина глубоко вздохнула.

Конечно, она бы сумела отшить Сан Саныча, если бы не фотографии... Чувствуя со стороны Ирины наступившее отчуждение, Сан Саныч пригрозил ей, что не только расскажет ее мужу, какой ценой она попала на подиум, но и пошлет ему по почте кое-какие фотографии, о существовании которых она, к сожалению забыла. «Строишь из себя, понимаешь, невинную девочку», – ухмылялся он. В ответ она злорадно усмехнулась и сказала: «Ты от меня ни копейки не получишь, гад. Можешь свои фотографии развесить хоть на каждом столбе. Теперь они мне до фонаря...».

Думая об этом, она подошла к телефону:

– Алло! Я слушаю, – раздраженно бросила Ирина в трубку, настроенная на то, что если это Сан Саныч, сразу же прекратить разговор.

– С вами говорит капитан Васильев, из милиции, – донесся до нее молодой незнакомый голос. – Сегодня нашли труп, возможно, вашего мужа в лесу за городом, – капитан сделал паузу, видимо ожидая реакцию на свои слова. Однако Ирина не издала ни звука. – Я приношу вам свои соболезнования, но вам необходимо завтра утром приехать в морг на опознание... тела. Дело в том, что ... – капитан на секунду замаялся, но потом решительно продолжил:

– Лицо сильно повреждено. Я вам продиктую адрес, куда приехать, а вы запишите...

– Говорите, я так запомню, – сказала Ирина, чувствуя, что у нее перехватывает дыхание. «Недаром мне вчера кошмарный сон приснился», – с горечью подумала она.

Капитан назвал Ирине адрес больницы, в морге которой находился труп и договорился с ней о времени встречи.

«Так! Спокойно! Только не разреветься! – приказала себе Ирина. – Держи себя в руках на виду у девчонок», – она молча положила трубку и, обессиленная, опустилась на стул. Потом обвела пространство перед собой бессмысленным взглядом и, закрыв лицо руками, заплакала навзрыд.

– Что с тобой? Что случилось? Кто звонил? – через некоторое время обступили ее девушки, еще не успевшие уйти из агентства.

– Из милиции звонили..., мужа убили..., – ответила Ирина непослушными дрожащими губами.

– Ой! Как это? Что ты будешь делать? Чем тебе помочь? – раздались со всех сторон дружные сопереживающие возгласы.

– Не знаю, – покачала головой Ирина. – Ничего не знаю...

– В первую очередь надо сообщить о случившемся его родным, – сказала Роза, самая старшая и опытная из них. – Ты знаешь их адреса, телефоны? Наверное, кому-то придется телеграмму послать, если телефона нет.

– Нет, я ...я не знаю, – сквозь слезы промолвила Ирина. – Саша только про бабушку вспоминал и про маму. Но бабушка умерла, а где его мама живет – не знаю. Он давно с ней не переписывался и не созванивался. Ой, девочки, мне завтра ехать в морг на опознание тела..., а я боюсь до ужаса....

– Я с тобой поеду! – решительно заявила Роза. – Вдвоем не так страшно.

– Нет, – отрицательно качнула головой Ирина. – Не надо. Туда милиция приедет, я буду не одна.

– Я тебя на своей машине подвезу, – настоятельно сказала Роза. – А сейчас поедем ко мне. Тебе нельзя оставаться одной.

На следующий день им пришлось ехать в морг почти через весь город. Ирина безучастно смотрела в окно и молчала. В голову лезли разные мысли. Была у нее возможность начать новую жизнь, как говорят – с чистого листа, да не получилось. А можно было ведь признаться Саше до замужества во всех своих грехах. В принципе, не так уж у нее их и много. Приехала дурочка из маленького городка за красивой жизнью. На все ради нее, по глупости, готова была. Саша бы все понял и простил. Он очень умный и хороший. Именно о таком мужчине когда-то в юности мечтала Ирина: сильном, благородном, привлекательном. К тому же Саша оказался достаточно материально обеспеченным. И надо же! Сама, своими руками, погубила свое настоящее счастье. И погиб-то Саша ведь из-за нее. Она навсегда запомнила его глаза, когда в тот злополучный день он застал ее в постели с Сан Санычем: яростные и одновременно брезгливые. Какая же она дрянь, не стоящая даже Сашиного мизинца. Стерва! Горячие, обжигающие слезы сплошным потоком лились из глаз Ирины. Она почувствовала, как что-то перевернулось в ее душе после известия о гибели мужа. Плечи Ирины начали мелко вздрагивать, и, чтобы не разреветься по бабьи, во весь голос, она до боли прикусила верхнюю губу.

– Ты поплачь, поплачь. Не стесняйся. Легче будет, – сочувственно посоветовала Роза.

Капитан Васильев, молодой, стройный мужчина, при виде Ирины слегка улыбнулся и окинул ее откровенным, оценивающим взглядом. Потом он сделал попытку галантно взять ее под руку, чтобы ввести в здание морга. Но Ирина резко отстранилась и решительно пошла вперед, высоко подняв голову. Однако стоило ей перешагнуть порог этого мрачного заведения, как ее решимость тут же пропала. Внезапно закружилась голова, сердце замерло, к горлу подступила тошнота. Ирина, сразу обратив внимание на то, что осталось от лица человека, голым трупом лежащего на железном столе, со страхом почувствовала, как теряет сознание. Ее поспешно вывели на свежий воздух и дали придти в себя.

– Судя по документам, которые нашли в кармане убитого, это был ваш муж – Пухов Александр Владимирович. Вы опознали его тело?

– Да, – подавленно ответила Ирина. Она лишь мельком успела взглянуть на распростертое тело, вроде бы рост и телосложение совпадали с Сашиными. Пока Ирина беседовала со следователем, Роза деловито провела переговоры с работниками морга по подготовке тела Саши к похоронам. Оставалось привезти одежду и гроб.

– Теперь поедem в похоронное агентство. Необходимо заказать гроб, венок, и, по-моему, через них оформляется место на кладбище. У тебя деньги есть с собой? – вздохнув, спросила Роза. Ирина молча кивнула головой, плохо понимая, о чем Роза говорит. Она никак не могла избавиться от ужасных впечатлений. Ее всю трясло, словно она голой стояла на снегу, при сильном морозе. То, что Ирина увидела на железном столе морга, никоим образом не вязалось с живым, улыбчивым Сашей. И от этого раздвоения сознания, постоянного сравнения живого с мертвым, было особенно мучительно и больно.

– Ладно! – с жалостью посмотрела на нее Роза – Садись в машину. С тобой сейчас разговаривать бесполезно. Они поехали в похоронное агентство. Потом в другое место. И так несколько раз. Роза выходила из машины, а Ирина оставалась одна на заднем сиденье, сжавшись комочком, ничего не видя перед собой из-за густой пелены слез. Если вчера у нее еще оставалась слабенькая надежда на то, что это, может быть, трагическая ошибка, то сегодня все рухнуло словно в пропасть. В один миг и безвозвратно. Чувство вины за смерть Саши тяжелым камнем легло на ее душу. Для получения свидетельства о смерти мужа Ирине все же пришлось ходить и разговаривать с людьми, но делала она это чисто механически, не осознавая до конца смысла своих действий.

– Так! В основном все сделано, – с удовольствием сказала Роза, в очередной раз, садясь с Ириной в машину, и бросила взгляд на часы. – Ого! День кончается, а мы с тобой до сих пор ничего не ели. Ты, как хочешь, а я страшно проголодалась. Тут кафе есть. Пошли! Машину оставим здесь. Да! – вдруг спохватилась Роза. – Если родственников мужа не знаешь, то его друзьям ты просто обязана сообщить о его смерти.

Они должны принять участие в похоронах. Если тебе трудно, давай я позвоню им.

– Нет, я сама. Придем в кафе – позвоню самому близкому другу Саши, Владу.

Ирина тяжело вздохнула. Роза не знала, что Ирина не могла решиться позвонить Владу по одной простой причине. Она боялась, что Влад знает о том, что произошло в их квартире в тот несчастный день. В том, что Саша после этого напился, не могло быть никаких сомнений. О том, что произошло дальше, зная Сашин чересчур эмоциональный характер, тоже можно было догадаться. В беседе со следователем Ирина про этот эпизод ничего не сказала. Сидя за столиком кафе, пока Роза пошла к стойке заказывать еду, Ирина достала из сумочки сотовый телефон и набрала нужный номер.

– Я слушаю, – отчетливо послышался слегка недовольный голос Влада. В трубке были слышны и другие, громкие, о чем-то спорящие голоса.

– Да тише вы, ничего не слышно, – прикрикнул Влад и еще раз повторил: – Я слушаю!

– Влад! – волнуясь, произнесла Ирина. – Саша погиб...

– Кто это? Ты что ли, Ирина? Ты брось такие шутки! Под «мухой» что ли?

– Саша... лежит в морге, – прерывающимся голосом, размазывая по щекам слезы, проговорила она.

– Где ты? Откуда звонишь? – голос Влада внезапно сделался хриплым.

– Из кафе «Колобок», в нашем районе, как поедешь по...

– Я знаю, – прервал ее Влад. – Жди там. Я сейчас приеду.

Ирина набрала еще один номер и тихо сказала:

– Папа, приезжай... Саша умер..., – больше не в силах сдерживаться она положила телефон на стол и закрыла лицо руками.

– Ну, перестань! На нас все обращают внимание. Слезами горю не поможешь. Лучше думай, как будешь жить дальше, – сказала подошедшая Роза.

Ровно через пятнадцать минут в кафе появился Влад. Среди других мужчин он выделялся не только высоким ростом, но и плотной, крепкой фигурой тяжелоатлета. Его коротко стриженная ярко-рыжая голова в свете проникающих сквозь стекло солнечных лучей отливала золотом. Несмотря на теплый летний день, Влад был одет в элегантный черный костюм и белую сорочку с модным галстуком. Он быстрым шагом подошел к столику, за которым сидели Ирина с Розой, отодвинул стул и сел, широко расставив ноги и положив локти на колени. Крепко сцепленные пальцы рук выдавали в нем сильное волнение. Влад вначале взглянул на Розу, потом перевел испытывающий взгляд на Ирину.

– Как это случилось?

– Не знаю, – прикусывая верхнюю губу, ответила она. – Следователь сказал, что нашел его в лесу, за городом. У него... у него... все лицо разбито.

– Ты его видела в морге?

– Да... Его нам выдадут в закрытом гробу, – Ирина вытерла пальцами слезы под глазами и опустила голову.

– Что вы сегодня сделали? – Влад опять взглянул на Розу. Та коротко рассказала о том, что они сумели сделать за день.

– Значит так, все остальное я беру на себя. Сегодня же обзвоню всех наших ребят. Не понимаю! – покачал головой Влад. – Как же так? Сашка – отличный боксер. Не только себя, но и других мог защитить. Просто так, в обычной пьяной драке его вряд ли могли убить. Здесь что-то другое... Что-то типа... Ну, ладно! Разберемся... – Он глубоко вдохнул в себя воздух и медленно выдохнул, потом быстро поднялся.

– Вас довести?

– Нет, у нас своя машина есть, – ответила Роза.

– Тогда вечером созвонимся и договоримся о планах на завтра.

Лицо Влада будто окаменело. Больше не говоря ни слова, он круто развернулся и ушел, слегка сутулясь.

На другой день дождь, ливший с самого утра, неожиданно прекратился. Небо просветлело, и между серыми остатками туч выглянуло солнце, высвечивая яркими лучами скорбную похоронную процессию. Среди провожающих Сашу в последний путь, кроме Ирины, ее отца и двух подруг, здесь было человек пятнадцать друзей погибшего и его товарищей по работе. И еще пожилая соседка Пуховых, тетя Маруся, которая помогала Ирине в домашних делах. Ирина шла за плывущим на крепких плечах гробом, поддерживаемая под руку отцом, и думала о том, как она будет жить дальше. Если бы Саша мог встать из гроба, она бы бросилась ему в ноги и при всех вымолила у него прощения. Но, как течение реки нельзя повернуть вспять, так и мертвого человека нельзя оживить, а значит, надо решать, как жить дальше. Одной. Самое главное, если совсем недавно она еще сомневалась, то теперь точно знала – внутри нее развивается новая жизнь, зарождаемая Сашей. Она будет жить ради нее. И хотя бы тем немного искупит свою вину перед мужем. За дни после его гибели Ирина почувствовала себя намного старше и умнее. Она взглянула на сосредоточенное печальное лицо отца и подумала: «Решено. Она вернется с отцом в родной городок и начнет все заново. За папой тоже нужен уход. После смерти мамы он сильно сдал и в последнее время часто болел».

В то время как Ирина размышляла о своей дальнейшей жизни, Влад шел сзади нее и непрерывно глядел ей в спину. Взгляд его был холоден и жесток. Разительную перемену в ее поведении, постоянные слезы на лице, погасшие печальные глаза он считал всего лишь талантливой игрой самодельной актрисы, подающей большие надежды. Довела Сашку до гибели, а теперь разыгрывает из себя убитую горем вдову, стерва. Он не мог понять, как Сашка, такой решительный во всех делах, не мог ее бросить. А больше всего он сейчас ненавидел Ирину за то, что у него возникнут такие проблемы, неудачное решение которых может привести его к полному финансовому краху. Влад отлично знал, что без Сашки ему не справиться

с делами фирмы. Пухов был в их совместном бизнесе головой, а он, Влад – шеей. Найти такую новую голову невозможно. И более того – опасно. Кроме Сашки, которого он знал с первого курса института, Влад никому больше не доверял. Ирина спиной почувствовала враждебный взгляд Влада и съезжилась. Больше всего ей хотелось, чтобы все поскорее ушли, и она осталась у могилы одна.

Поскольку гроб был закрыт, то его сразу же, без обычного прощания с покойным, медленно опустили в глубокую могилу. И все присутствующие поочередно, боясь поскользнуться на мокрой траве и упасть в открытую яму, осторожно проходили по ее краю и бросали на крышку гроба по горсти мелких, сырых комочков земли. Могильщики быстро забросали гроб землей, и вскоре на кладбище вырос новый могильный холмик. Влад воткнул в него высокий деревянный крест и процесс похорон на этом закончился. Сашины друзья и товарищи под руководством Влада дружной толпой направились к своим машинам, не сказав Ирине ни слова на прощание.

– Как же так? – растерянно спрашивала их тетя Маруся. – А помянуть то? Мы же поминальный стол приготовили. Не по-христиански это.

– Мы его сами помянем, на работе..., вечером. Когда дела закончим, – пряча от нее глаза, за всех ответил ей Влад. Но все прекрасно слышали, как он громко произнес название ресторана, где им, видимо, были заказаны поминки.

«Ах ты сволочь! – с возмущением взглянула на Влада оскорбленная до глубины души Ирина. – Забыл, как признавался мне в любви. Ты и Сашу-то женил на мне, чтобы потом меня своей любовницей сделать».

Но гордость не позволяла ей произнести вслух ни одного слова. Отец Ирины стоял, опустив голову, глядя прямо перед собой на могилу, словно все происходящее сейчас к нему не имело никакого отношения, но по его подергивающейся щеке, плотно сжатым в узкую полоску бледным губам Ирина поняла, как ему больно за дочь.

– Ничего, папа. Переживем, – с трудом проглотила она подступивший к горлу комок. – Понимаешь, они считают меня виноватой в гибели Сашки. Но один Бог мне судья и вот он, – кивнула Ирина на могильный холмик.

– Тетя Маруся! – повернулась она к доброй старой женщине. – Давайте соберем всех соседей, кто окажется дома. Сашу многие знали. Он на свои деньги во дворе детский городок построил, – и добавила, сквозь слезы обратившись ко всем, кто остался: – Идите! Я вас догоню.

Подруги подошли к ней, и каждая молча обняла ее. Оставшись одна, Ирина опустилась перед могилой на колени и тихо прошептала: «Прости меня...».

Глава 2

Он парил над высоким потолком, наслаждаясь ощущением полета. Внизу, при ослепительно ярком свете больших ламп, над операционным столом склонились люди в голубом с масками на лицах. Шла сложная, длительная операция. Вдруг ему захотелось вырваться из замкнутого пространства операционной и взмыть куда-то ввысь к неведомому и манящему. Но тут один из людей в голубом, пожилой хирург в очках устало выпрямился и обвел коллег победным взглядом. И все... Полет прекратился... Наступила тьма...

После операции Саша долго приходил в себя. В начале, словно сквозь туман, возникали какие-то расплывчатые образы, затем появились смутные обрывистые воспоминания, почему-то не связанные одно с другим ни по смыслу, ни по времени. Буд-то кто-то тасовал их как колоду карт. Когда сознание вернулось к Саше полностью, то он тотчас ощутил мучительную боль.

Казалось, болело все: мышцы, кости, голова... Александр даже старался сдерживать дыхание, либо любой неосторожный вдох мог отдаться всплеском боли. Не в силах более терпеть эти боли он тихим слабым голосом позвал:

– Сестра..., сестра...

В больничной палате кроме него никого не было. Скоро в чуткой тишине послышались легкие быстрые шаги.

– Пришел в себя?! Вот и хорошо... Вот и молодец... А то мы все за тебя переживали. Надо же такой молодой и красивый...

Саша увидел над собой обрадованное лицо немолодой медсестры с добрыми внимательными глазами, кроме доброты в них было еще нечто такое – материнское, что сразу пробудило, в нем необыкновенную симпатию к этой женщине в голубом халате. Он очень боялся снова попасть в забытье. Ему почему-то казалось – он из него уже не вернется. Никогда...

– Сейчас сделаю укол, и станет легче. Петр Васильевич, наш самый опытный хирург, сказал, что если бы с операцией промедлили, то вряд ли тебя спасли... Он сказал, что ты в рубашке родился... – говорила медсестра, вводя Саше обезболивающее.

– Тебя как зовут?

– Саша, – слабо улыбнулся он уголками губ. Ласковый взгляд, теплая интонация голоса, заботливые прикосновения рук медсестры подействовали на него как живая вода. Даже дышать стало легче.

– А вас... Как зовут? – спросил он, глядя на нее с глубокой благодарностью.

– Галина Ивановна, – ответила она с улыбкой и осторожно присела к нему на краешек кровати. – Повезло тебе, сынок, что Петр Васильевич на дежурстве оказался. Он, можно сказать, тебя с того света вытащил... Тебя же к нам всего синего, с открытой раной груди и ушибом головы к нам привезли. Ну, ничего, – погладила она Сашу по бледной руке. – Ты молодой, здоровый... Теперь быстро на поправку пойдешь. Пока лежи спокойно. Если я понадобится – нажмешь вон ту красную кнопку на стене, я и приду.

Галина Ивановна еще раз погладила Сашу по руке и добавила:

– Я две ночи около тебя провела... У меня у самой сын такой же, как ты, – грустно вздохнула.

– Ну, ладно, пойду я, – поднялась она, но вдруг спохватилась, – Пока опять не забыла, скажу, что тебя к нам без сознания доставили, поэтому в истории болезни записали «Неизвестный». Поэтому я попозже зайду и запишу все твои данные, а потом к тебе из милиции придут.

После ухода медсестры Саша закрыл глаза и задумался: рана в груди, ушиб головы – откуда? Ничего не помнит. Тем более как привезли его в больницу. Галина Ивановна сказала, что он был без сознания весь синий. Следовательно, он до больницы где-то попал в серьез-

ный переплет. Но, как и почему?! Саша пытался хоть что-то вспомнить и не смог... Вместо этого в мозгу почему-то возникли картинки милого детства. Вот он сидит с отцом на берегу речки и ловит рыбу... Вот на спор с пацанами спрыгнул с крыши сарая и сломал ногу. Как на Яву видит перед собой испуганные глаза матери. Странно... Детство помнит хорошо, а всю последующую жизнь словно отрубил. Абсолютно ничего не помнит... Через некоторое время к Саше пришли: пожилой врач, с массивными роговыми очками на крупном носу и молодой старший лейтенант милиции, розовощекий, пышущий здоровьем низкорослый крепыш.

– Ну-с, молодой человек... Как дела? – добродушно спросил врач, на которого Саша воззрился с большим удивлением. Несомненно, он видел его где-то раньше. – Нормально? Ну, молодец! Ладно, ты поговори пока с милицией, а потом я тебя посмотрю. Даю вам три минуты, – строго обратился он к старшему лейтенанту. – Больного сильно утомлять нельзя. Ни в коем случае!

Врач вышел из палаты, а крепыш – «старлей» поудобней уселся перед Сашей на стуле.

– Старший лейтенант Приходько из райотдела милиции, – представился он, с любопытством разглядывая Сашу. – Назовите вашу фамилию, имя, отчество.

– Пухов Александр Владимирович, – не удержался от улыбки Саша.

– Можно сказать – кто, где, при каких обстоятельствах нанес вам глубоко проникающее ножевое ранение?

– Нет. Я пытался хоть что-то вспомнить, но не смог, – честно признался Саша. – Детство свое почему-то помню, а остальное нет.

– Ну, хорошо... – с сожалением протянул Приходько и вдруг оглянулся на дверь. – На этом сегодня закончим. А то Петр Васильевич меня отругает – крутой мужик. Ты давай выздоравливай... Я к тебе еще приду. Постарайся что-нибудь вспомнить, – неожиданно весело улыбнулся Приходько. – Мне сказали, что ты везучий...

– Постараюсь, – в тон ему хотел ответить Саша, но получилось как-то вымученно. Боль снова напомнила о себе, а еще подступил приступ жажды. Саше начало казаться, будто он долго шел по пустыне без глотка воды среди невыносимого пекла. – Слушай, попроси медсестру подойти... Я сильно пить хочу...

Через несколько дней Сашу перевели из реанимационного отделения в хирургическое, в палату №6. Это напомнило ему известный рассказ Чехова, который он прочитал еще в детстве. Вообще, Антон Павлович был его самым любимым писателем, однако Саша больше всего любил поэзию. Любовь к поэзии перешла к нему от его бабушки – учительницы русского языка и литературы в средней школе. Когда-то, в ранней молодости, еще учась в Московском университете, она и сама недурно писала стихи. Ей даже прочили большое литературное будущее, но бабушка вышла замуж за красивого «вновь испеченного» инженера-путейца и уехала с ним в глушь, в маленький провинциальный город на Волге. Сама со временем стихи писать перестала, но сумела привить любовь к ним своей дочери и особенно внуку Саше, который много лет жил у нее один. Сашина мама после смерти мужа, его отца, привезла Саша к бабушке, когда ему только исполнилось десять лет. А сама с новым мужем улетела в Сибирь. Перед этим она обещала, что как только они устроятся на новом месте, то приедет и заберет сына с собой. Однако так и не приехала и не забрала. Лишь писала письма бабушке, передавая в них сыну теплые приветы, да присылала деньги. Саша знал из писем, что у него появилась сестра. Галина Ивановна навещала Сашу каждый день. Она заходила к нему перед дежурством в реанимации и приносила домашнюю еду: куриный супчик, котлеты и зеленые крупные яблоки.

– Большое спасибо вам, Галина Ивановна, за вашу доброту, но мне, честное слово, неудобно... Вы так тратитесь на меня... – сказал однажды Саша, глядя на очень скромно одетую Галину Ивановну. Он впервые видел ее без больничного халата. Она строго посмотрела на него.

– Чтобы я больше не слышала от тебя таких слов. Понятно?

- Понятно, – сконфуженно произнес Саша, чувствуя, как краснеет.
- Память-то возвращается к тебе помаленьку? – улыбнулась она.
- Да не очень, – признался Саша, чувствуя себя виновным перед Галиной Ивановной. –

По-прежнему отрывки какие-то...

– Я вот о чем думала, Саша, – с беспокойством проговорила она. – Ты говорил мне, что вспомнил свою жену. Я думаю, надо ее побыстрее отыскать и в известность поставить, что ты находишься в нашей больнице. Номера телефонов, адреса ты, конечно не помнишь. Так может, вспомнишь, где она работает... Я постараюсь ее найти. Она, поди, потеряла тебя, бедняжка. Может, уже все больницы обзвонила, только твоей фамилии-то нет нигде...

«Жена? – удивленно подумал Саша. – Интересно как в голове что-то заклинило. То, что было в детстве, вспоминается до мельчайших подробностей, а дальше все мрак. Для того чтобы хоть что-то высветить в этом мраке приходится прилагать большие усилия. И не всегда успешно».

– Разве я говорил вам, что женат?

– А как же? – удивилась Галина Ивановна и с жалостью поглядела на него. – Ты даже имя ее назвал – Ирина.

«Ирина... Ирина... – напряг свою память Саша. Что-то это имя ему говорит... Стоп! Значит эта высокая красивая девица с надменным лицом, работающая в модельном агентстве, его жена. С ней его познакомил Влад. Как же я про Влада мог забыть... Своего лучшего друга»...

– Она работает в агентстве «Силуэт» при Доме моды в том же здании.

– Слава тебе Господи... Вспомнил! – обрадовалась Галина Ивановна. – Молодец... Так глядишь потихоньку память вся и вернется. А я не откладывая дело в долгий ящик, сейчас отпрошусь на немного и съезжу к ней. Это же не далеко отсюда. Вот она обрадуется-то!

– Галина Ивановна! Вы говорили, что у вас сын такой же, как я. Он с вами живет?

– Нет, Сашенька, – вздохнула она. – Он на далекой заставе служит. Офицер-пограничник. Я его очень редко вижу...

– Извините, я вас расстроил своими вопросами...

– Ну, что ты! – ласково произнесла она и смахнула с его лица выщущую прядь темных волос. – Ты давай поправляйся, и будете ко мне с женой в гости приходить. Я ведь живу совсем одна...

– Обязательно. Я вас никогда не забуду... – дрогнувшим голосом промолвил Саша.

– Вот ведь какие чудесные женщины на свете есть. За чужим парнем как за своим сыном ухаживает. Все его болячки на себя принимает, – с глубоким поклонением сказал после ухода Галины Ивановны сосед Саши по палате – Селиванов. «Петрович» – уважительно звали его больные. А Саша невольно подумал про свою мать. У него и адрес ее где-то затерялся. Как выйдет из больницы, нужно будет все-таки найти его. Сколько лет прошло, как она оставила его у бабушки. Теперь если они и встретятся когда-нибудь, то друг друга не узнают. А стоит ли встречаться? После стольких лет разлуки. Со слов бабушки он знал, что мать с отчимом копят деньги на большую квартиру. Она и им высылала деньги не постоянно. Они в основном жили на бабушкину зарплату. Но наступило лихое время, когда все сбережения россиян в один день превратились в ничто... Дефолт. Это слово с проклятиями произносили в России миллионы людей... Также как и фамилию действующего президента. Стало ясно, что мать за Сашей не приедет. Только он уже об этом не переживал. Ему лишь до боли было жалко свою бабушку, просыпаясь ночами от ее негромкого плача.

– Ты чего это надумал грустить? – остановился возле Сашиной кровати старик Ермолин, сосед по палате, высокий и прямой, как жердь. Он осуждающе глядел на Сашу из-под низко нависших седых кустистых бровей. – Вот так, бывалоча, кто-то загрустит на передовой перед боем, а завтра глядишь, его и нету... Ты смотри у меня! Тебе ишо вылечиться надо, память вернуть. Вон как все о тебе заботятся.

– Да я так... Кольнуло в груди что-то, – с уважением ответил Саша.

– Может сестру позвать? – забеспокоился тот.

– Нет. Уже прошло...

– Ну, гляди... Ежели, что не стесняйся, говори. А то все молчишь, да молчишь. Не переживай, Сашок! И память к тебе вернется, и бегать будешь как лось. Меня однажды на фронте так шандарахнуло взрывной волной, что совсем оглох, и память начисто отшибло. Но ничего оклемался потом в госпитале и опять на фронт. Погибнуть мне Бог не дал, но в какие переделки я только не попадал. Однако духом, – поднял вверх тонкий длинный палец вверх дед, – никогда не падал! Духом упасть, значит пропасть. Понял?

– Понял, – улыбнулся Саша. От общения с дедом у него посветлело на душе. «Как прекрасно, – подумал он, – что есть такие люди на земле, как этот дед, Галина Ивановна, Петрович. И как хочется самому что-то сделать для них доброе. Если каждый из россиян, кто имеет достаточно средств, взялся бы по доброй воле помогать старым бедным людям, живущим в нищете, то насколько бы здоровее и счастливее сделалось бы наше общество. И не нужно было бы тогда придумывать никакую объединяющую нацию идею.

– Сашок! Проснись. Протри глаза-то, – тихонько тряс Сашину руку Петрович. – Там Галина Ивановна пришла... Расстроенная чем-то.... Даже слезы на глазах. В коридоре с нашим дедом разговаривает. Сейчас в палату войдет....

«Чем она может быть расстроена? – тревожно подумал Саша, повернув лицо в сторону двери. – Может, обидел кто? Если узнаю кто, выйду из больницы точно башку отверну».

Но вместо Галины Ивановны в палату быстрым шагом вошел Андрей девятнадцатилетний студент, четвертый сосед в их палате. На его лице сияло выражение восторженной влюбленности. У Андрея скоро должна состояться свадьба и невеста навещала своего жениха два раза в день. Когда же вошла Галина Ивановна, то Саша вначале ее не узнал. На столько какое-то сильное переживание изменило черты ее лица: на нем резко обозначились морщины, рот скорбно сжался, подбородок, словно заострился. Саша смотрел на Галину Ивановну и не решался заговорить первым. «Может, с ее сыном что-то случилось? – промелькнула у него мысль.

Галина Ивановна под села к нему и печально сложила руки на колени, низко опустив голову.

– Ты знаешь, Сашенька, – вдруг со слезами произнесла она. – Они меня там за сумасшедшую приняли. Так и сказали: «Тетка, вам лечиться надо».

– Почему?! – с изумлением вырвалось у Саши.

– Так ведь они тебя похоронили! – громко всхлипнула Галина Ивановна. В палате наступила напряженная тишина.

– Как это похоронили?! Не понял... Как они могли меня похоронить?

– Не знаю, Сашенька, как смогли..., но похоже на правду. Одна девушка, темненькая такая, рассказала мне, как она сама присутствовала на твоих похоронах и своими глазами видела, как гроб с твоим телом опускали в могилу.... – заплакала Галина Ивановна. – Я ничего не могу понять....

– Чуть собачья! Какой гроб? А где Ирина? Вы видели ее?

– Мне сказали – она после твоих похорон уволилась и уехала к отцу в другой город....

Галина Ивановна качала головой: – Господи! Что же такое делается...

Потрясенный до глубины души услышанным, Саша молча уставился в потолок. Потом закрыл глаза и крепко сжал челюсти. Внезапно в его голове одна за другой замелькали картины недавно пережитого. Память полностью вернулась к нему. Видимо для запуска ее приостановленного механизма требовался основательный толчок, взрыв эмоций. И он произошел. Да еще какой!

– Я вспомнил! Я все вспомнил! – обрадовано воскликнул он и повернул к Галине Ивановне возбужденное лицо.

– Вы успокойтесь, не переживайте.... Я вам сейчас все объясню.... Дело в том, что я.... В общем, мы с Ириной круто поссорились, и, перед тем как попасть в больницу, я ушел из дома.... Потом заступился за одного мужчину, которого пинали отморозки. Но дело не в этом.... Это Ирина со своей подружкой все придумала с моими похоронами.... Вам случайно не говорили – гроб был открытый или закрытый?

– Нет, не говорили, – растерянно проговорила Галина Ивановна.

– Ну, вот видите! Наверное, был закрытый. Не думал я, что она способна на такую подлость.... Она, наверное, теперь и квартиру продала, и машину. Но я все равно ее найду, никуда она от меня не денется. Вот стерва....

– Сашенька! Ты будь поосторожнее, – умоляюще попросила Галина Ивановна. – Молодой, горячий.... Наломашь дров, потом всю жизнь будешь каяться....

– Да нет, что вы, Галина Ивановна. Я и пальцем ее не трону. Я по-другому с ней разберусь....

– Ну, вот и хорошо – теперь все ясно, – повеселела она. – Ты еще найдешь свое счастье....

Она с глубоким облегчением вздохнула и улыбнулась, глядя Саше в глаза. Свою нерастраченную материнскую любовь она теперь перенесла на него и больше не чувствовала себя болезненно одинокой. До чего же он был похож на ее сына.

После ухода Галины Ивановны Саша сделал вид, будто задремал, а сам стал думать о жене. Добрейшая душа Галина Ивановна, сама того не ведая, разбередила в нем такую рану, боль которой была на много сильнее чем боль после операции. Самое страшное, что эту боль не заглушишь никакими обезболивающими средствами. Где же были его глаза, его разум, когда он решил жениться на Ирине? Удивительно! Все его всегда считали умным, а он оказался тупее тупого, как мальчишку она обвела его вокруг пальца. Он вспомнил Ирину при первом знакомстве. Выражение лица у нее было такое наивно невинное, как у пай-девочки. Он глубоко вздохнул: «Лох несчастный.... На дешевую уловку попался. Между прочим, это Влад привел его к ней. Такая классная девочка, тонкая натура. Скромница.... Дурак, блин. Какая скромница может попасть в модельный бизнес. Ну, ладно, Влад настойчиво советовал: „Женись на ней, пока ее не перехватили. Ты ей очень нравишься“. А сам то он что? Откровенно говоря, он уже устал от одиночества. Захотелось, чтобы рядом была любящая преданная душа. Если честно признаться самому себе, Ирина с первой встречи его очаровала. А уж про страсть, которая вспыхнула в нем, и говорить нечего. При своей эффектной внешности она действительно держалась первое время очень скромно и даже пожаловалась ему, как сложно быть красивой девушке одной. Стоит только познакомиться с кем-то, с виду порядочным человеком, как тебя уже хотят затащить в постель. Что вообще, по ее мнению, порядочных людей очень мало. Особенно среди молодежи и я потерял голову. Страсть затмила мне глаза. А какую красивую историю она рассказала мне о том, как потеряла свою невинность из-за большой любви к бывшему однокласснику, а он, подлец, потом со своим богатеньким папашей удрал за границу. Рассказывая эту историю, Ирина плакала натуральными слезами, и это особенно растрогало меня, с детства, не выносящего женских слез».

Первое время после свадьбы Ирина изображала необыкновенную любовь и заботу, отчего будущая совместная жизнь рисовалась ему только в самых радушных тонах. По просьбе жены он купил ей машину и никогда не отказывал в деньгах. Но, когда бурная страсть в нем утихла, он с удивлением обнаружил, что общих интересов у них нет, абсолютно никаких. Жена оказалась внутри пустой, как цветочный горшок без земли. К тому же ее потребность в деньгах возрастала с каждым днем. Ирина оказалась просто одержима манией приобретения разных дорогих вещей. Однажды он не выдержал и заявил ей самым решительным образом, что деньги он не печатает, а зарабатывает.... И всему есть разумный предел. С того времени поведение

жены резко изменилось. Она стала не в меру капризной и раздражительной. И он с горечью, с запоздалым сожалением, был вынужден признать – Ирина оказалась совсем другим человеком, нежели он себе представлял. Она далеко не та, за которую себя выдавала. Видимо, почувствовав его отчуждение, Ирина вдруг заявила, что она беременна и он, идиот безмозглый, олух царя небесного, опять ей поверил. Однако внутри него что-то обломилось, и он все чаще и чаще стал браться за рюмку. Теперь при слове любовь, он иронически усмеялся и вообще перестал верить в то, что она существует на свете. А тут еще один «добрый» друг совсем раскрыл ему глаза По-пьянке на его жену. Оказывается в модельный бизнес, она попала вовсе не по конкурсу как говорила сама, а благодаря связи с одним высокопоставленным чиновником городской администрации. Кстати, встречается с ним до сих пор, за спиной мужа-рогоносца. Саша воспринял эту информацию внешне спокойно, подавив первую вспышку гнева. «Натрепаться могут на кого угодно. Из любых побуждений. Не пойман – не вор», – сказал он себе. Но решил все-таки проверить соответствует ли эта информация действительности или нет. И проверил. Получилось как в анекдоте. Вернулся муж досрочно из командировки и застал в постели у жены чужого мужика. Аристократичного сидящего мужчину с большим животом. Сладкая парочка даже не слышала, как муж вошел в спальню. При виде столь эротичной сцены в нем мгновенно вскипела ярость и он, не сказав ни одного слова, врезал со всего размаху, в челюсть пытавшегося вскочить на ноги любовника и тот грузным мешком свалился на пол. За тем, также молча развернулся и ушел из дома, захватив с собой ту же сумку, с какой ездил в командировку. Последнее что запомнил, уходя – это глаза Ирины. Глаза затравленного зверька, наполненные ужасом. Дальнейшие события вспоминались уже смутно. Ресторан. Бутылки на столе. Потом на улице несколько наглых парней пинают скорчившегося на земле прилично одетого мужчину. Вызывающе избивают, на глазах у прохожих, делающих вид, будто не замечают эту отвратительную картину. А он даже был рад, что эти подонки подвернулись ему под руку. Но, сбив с ног троих, вовремя не заметил, как у четвертого блеснуло лезвие ножа. Не успел отвернуться... «Значит, это они забрали у меня документы, – подумал Саша. И все-таки задал он себе вопрос: – Ради чего Ирина пошла на такую мерзкую затею?».

– Андрей! – позвал Саша студента, соседа по палате. – Можешь дать мне свой мобильник на одну минуту? Мне нужно срочно позвонить.

– Пожалуйста! – любезно принес Андрей телефон.

– Можете и больше поговорить. Я только новую карточку ввел.

Саша набрал номер телефона квартиры Влада, и через несколько секунд он услышал голос Зои, жены Влада.

– Алло! Я слушаю...

– Зоя, здравствуй, – улыбаясь, сказал Саша. – Это Саша Пухов, из больницы звонит. Влад дома?

– Саша?! – изменившимся голосом переспросила Зоя.

– Да, – подтвердил он. – Ты что, мой голос не узнаешь?

– Какая шутка у вас неудачная. Саша Пухов умер, испуганно ответила Зоя и быстро положила трубку.

– Да что они там все сговорились что ли? Или с ума посходили. – вырвалось у него с крайним удивлением.

Глава 3

Когда Петр Васильевич разрешил Саше вставать с кровати и совершать короткие прогулки, тот воспринял это с огромной радостью. Ему уже осточертело лежать наедине со своими мыслями и хотелось побыстрее вырваться на волю. Первым делом он подошел к открытому окну палаты, и словно впервые в жизни, с жадностью и любопытством, взглянул на окружающий мир. За то время, пока он находился на больничной койке, наступило настоящее лето. Солнце поднялось до наивысшей точки и его почти отвесные лучи жарко нагревали землю. На солнце без боли в глазах не возможно было смотреть. Теплый воздух, наполненный испарениями после дождя, струился от нагретой земли как нагретый пар. Разросшаяся в полную силу листва радовала глаз. Жизнь продолжалась...

Через несколько дней Саша стал прогуливаться по всему длинному коридору хирургического отделения, расположенного на третьем этаже больницы. На первый этаж он не спускался. Да и было незачем. Он не курил и к нему на свидание никто не приходил. Только одна Галина Ивановна по-прежнему навещала его. Во время этих прогулок Саша часто заходил в операторную ЭВМ, находящуюся в самом конце коридора. Работающие в ней две хорошенькие девушки разрешили ему пользоваться их городским телефоном. Девушкам понравился рослый стройный парень с обаятельной улыбкой на бледном лице. Они обе смотрели на него с явным интересом, и каждая в тайне мечтала познакомиться с ним поближе. Пошутив с девушками, Саша брался за трубку телефона, но везде куда бы и кому бы он не звонил, ответ был такой – Александр Пухов умер. На своей фирме ему сообщили, что у них, в связи со смертью Пухова, появился новый директор, а его заместитель по экономике и финансам Владлен Павлович уехал в заграничную командировку. В агентстве, где работала Ирина, тоже подтвердили: после смерти мужа она уволилась с работы и уехала в другой город. Все! Кому-то еще звонить и что-то доказывать не имело смысла, никто ни верил, что он жив. Все принимали его слова за неудачную шутку. Оставалось только одно – поскорее выйти из больницы и во всем разобраться. Пока же получалось так, что в действительности Александра Пухова – не существует. Получалось так, что Саша сейчас находился как в двух мирах: одном потустороннем, а другом – реальным.

«В такой ситуации надо иметь железные нервы. Как сказал бы Влад – полный облом! Надо же, в Чечне в самом пекле живой остался, а тут, блин, на гражданке – заживо похоронили», – подумал Саша.

– Слышь! – подсел к нему Петрович. – Что ты все думаешь и думаешь? Так ведь рехнуться можно. Выйдешь из больницы, обратишься в милицию, и все встанет на свои места. Похоже, чей-то труп нашли с твоими документами и твоей жене представили как тебя. Я слышал – такие случаи бывают...

– Не знаю, – пожал плечами Саша. – Я не слышал...

– А че далеко ходить? – вмешался в разговор старик Ермолин. – В нашем поселке был такой случай. Один мужик, того, поехал на автобусе в отпуск, да у него чемодан украли. Вместе с паспортом. А вор, значит, под машину попал... Ну, прислали жене телеграмму из того города. Мол, так и так, приезжайте и забирайте своего мужика. Поехала она, значит, и того привезла гроб. Потом собрала родню и похоронила его как положено. А мужик-то ейный через неделю заявился домой. Что тут было! Ужас!

– А дальше что? – спросил Саша.

– Да ничего! Пропьянствовал он недели две, а опосля пошел в милицию...

– Вот я и говорю, пойдешь в милицию там и разберутся. Чего переживать то? В жизни всякое может случиться, – философски заключил Петрович.

– Ничего себе, – усмехнулся Саша. – Я что, по-вашему, смеяться над этим должен? Если как сказал дед, меня похоронили, как положено, то я сейчас никто. Нет меня!

Он встал с кровати и подошел к окну. «Если Ирина успела продать квартиру, то жить мне будет негде, – подумал он. – Ни в одну гостиницу, ни в одно общежитие без паспорта не устроишься. А самое главное я ни одного рубля со счета в банке снять не смогу. Придется, как только выпишусь из больницы, сразу поехать к Ирине в Кузьминск. Жить я с ней, конечно, не собираюсь. Пусть подаст на развод. Хотя какой к черту может быть развод, если она меня похоронила? Ладно, разберусь с ней, заберу свои деньги, а дальше видно будет. В любом случае к Галине Ивановне не пойду. Не хватало еще сесть доброй женщине на шею».

Саша чувствовал, что его душа после всего пережитого, стала как обгорелая спичка и от нервного перенапряжения последних дней начала сильно болеть голова.

Наконец настал тот долгожданный день, когда Сашу выписали из больницы. Больничный лист, естественно, не дали. Нет ни паспорта, ни страхового полюса. Впрочем, он ему сейчас был нужен как собаке пятая нога. В качестве кого этот больничный лист можно предъявить? Воскресшего покойника? Это еще надо доказать. Накануне вечером к нему зашла Галина Ивановна с большим пакетом.

– Я тебе, Саша, рубашку и костюм сына принесла. Твою одежду, насквозь пропитанную кровью, пришлось выбросить. Только часы и ботинки сохранились. Ты их получишь на первом этаже.

– Большое спасибо вам, – с волнением произнес Саша. – Вы столько для меня сделали. Только я не знаю, подойдет ли мне одежда вашего сына.

– Думаю, подойдет, – улыбнулась Галина Ивановна. – Вы с ним одного роста и телосложения.

«А ведь у меня в кармане брюк было двести долларов, завернутых в платок, чтобы не выронить, с огорчением вздохнул он. – Я так на них рассчитывал. Теперь об этом спрашивать неудобно»....

– Ты знаешь, куда тебе идти? – участливо спросила Галина Ивановна. – Не беспокойся. Я тебе в карман пиджака ключи от своей квартиры положила и бумажку с адресом. Квартира у меня однокомнатная. Но ничего, поместимся. Ты в последние дни сам на себя не похож. Совсем улыбаться перестал. Плохо себя чувствуешь? Да?

– Да нет, – улыбнулся Саша. В порыве чувств он взял руку Галины Ивановны и прижался к ней губами, выражая, таким образом, беспредельную благодарность и любовь к этой скромной, внешне неприметной женщине, распахнувшей для него всю душу.

После того как она ушла, вытирая на ходу платочком слезы, к Саше подошел Петрович и тихо проговорил: – Ну, вот.... А ты говорил, что у тебя мать неизвестно где. Вот она твоя мать и есть. Какая душевная и добрая женщина! Таких еще поискать.

Прежде чем уйти из больницы, Саша зашел в ординаторскую и высказал слова благодарности Петру Васильевичу за спасение. А про себя решил, что при первом же случае преподнесет ему хороший подарок. Петр Васильевич снял очки, потер указательным пальцем переносицу и дал строгое напутствие:

– Никаких больших физических нагрузок. Тяжести поднимать не больше буханки хлеба. А самое главное не пить! Ты меня хорошо понял?

– Хорошо, – согласно кивнул Саша.

– В общем, береги себя. Чтобы мой труд напрасно не пропал, – по-отечески добавил хирург и протянул Саше сильную жесткую ладонь.

Выйдя из здания больницы и широко расправив плечи, Саша набрал полную грудь свежего воздуха, который подействовал на него опьяняюще. Радость от наконец-то обретенной свободы, от ощущения того, что он как прежде крепко стоит на своих ногах, переполнила его сердце.

«Какие же чувства тогда испытывает человек, выходя на волю из тюрьмы?» – подумал он. Настроение его еще более приподнялось, когда в другом кармане пиджака он обнаружил две купюры по пятьсот рублей.

«Ах, Галина Ивановна... Милая Галина Ивановна! Наверное, последние сбережения отдала мне. Действительно поступила как родная мать», – с нахлынувшей нежностью вздохнул Саша.

– Ну, что же, – сказал он себе. – Одной проблемой меньше. Теперь можно без промедления отправиться в Кузьминск. Однако по пути на автовокзал все-таки нужно зайти в паспортный стол милиции, заявить о том, что я на самом деле жив.

Но где-то на уровне подсознания план действий почему-то поменялся, и ноги сами принесли его в первую очередь к своему дому. Тем более что от больницы до него было несколько минут ходьбы. Он и не заметил, как прошел этот путь, захваченный мыслями об Ирине. Подойдя к своей панельной девятиэтажке, каких полно в каждом городе, Саша испытал такое теплое чувство, какое обычно испытывают при встрече с лучшим другом. Позабыв обо всем, он быстро поднялся на пятый этаж и здесь увидел соседку по площадке – тетю Марусю. Она толи открывала, толи закрывала свою дверь ключом.

– Здравствуй, тете Маруся! – радостно воскликнул Саша, совершенно не думая о том, какое впечатление произведет на старую женщину его неожиданное появление. Тетя Маруся при звуке знакомого голоса вначале испуганно вздрогнула, затем подняла голову, и оторопела. Глаза ее расширились от ужаса, а все грузное тело затряслось.

– Свят! Свят! Свят! – мелко закрестилась она и вдруг крикнула: – Сгинь нечистая сила! – и с быстротой молнии скрылась за дверью. Саша никак не ожидал от медлительной соседки такой шустрой прыти.

– Тетя Маруся! Не бойтесь. Я же живой. Какая-то ошибка произошла. Откройте – крикнул он через дверь, но в ответ ему была гробовая тишина. Видимо бедная женщина никак не могла прийти в себя от страха. Саша понял, что она не выйдет ни за что. Даже если сейчас в квартире возникнет пожар или начнут рушиться стены.

«Вот, блин! Перепугал насмерть соседку. Как бы она со страху, как говорила бабушка, богу душу не отдала, – виновато подумал он. – Значит, Ирина рассказала ей о моей смерти. Вот, стерва... – покачал он головой.

– Дело оказывается намного серьезнее, чем я предполагал».

На его собственной двери красовались новая никелированная ручка и накладка внутреннего замка.

«Если замок заменен, следовательно, она успела продать квартиру. Только бы деньги не успела потратить, – думал Саша, спускаясь вниз на лифте. – Ничего не поделаешь – придется мне какое-то время пожить у Галины Ивановны».

Больница, дом, автовокзал находились в одном районе города также как и райотдел милиции. Поэтому Саша не захотел воспользоваться каким-либо видом транспорта. Ему хотелось побольше пройти, чем проехать. Какая разница – приедет он в Кузьминск на час раньше или на час позже. Позже даже лучше. Больше шансов, что он застанет ее дома. Лишь бы успеть на последний автобус обратно. В прочем, обратно он и на такси сможет приехать.

Небольшой узкий коридор паспортного стола был набит людьми, как бочка селедкой. Шел обмен старых паспортов на новые. Саша еле протиснулся сквозь эту толпу к кабинету начальника, слыша вокруг себя возмущенные голоса: «Куда лезет?! Нахал! Совсем совести не имеют...». Но не сумел он взяться за ручку двери, как около него неизвестно откуда возникла молодая женщина в форменной одежде с погонами лейтенанта.

– Туда нельзя. Начальник никого не принимает, – строго сказала она. – Вы, по какому вопросу?

– По личному. Скажите, пожалуйста, Марине Михайловне, что к ней Пухов пришел. Александр Владимирович.

– Подождите, – приказала лейтенант и быстро вошла в кабинет. Через несколько секунд она вышла и, глядя на Сашу удивленным взглядом, вежливо произнесла: – Проходите.

– Марина Михайловна, полная, женщина с рыжеватыми волосами, средних лет встретила его стоя, заложив руки за спину. Она как будто следила за каждым его движением. Саша сразу отметил, что за полгода после их последней встречи она сменила капитанские погоны на майорские с одной крупной звездочкой.

– О, Марина Михайловна, поздравляю! Вы стали товарищем майором и прекрасно выглядите, – с подчеркнутым уважением сказал Саша, помня о том, что она не совсем равнодушна к комплементарам. Впрочем, женщина всегда остается женщиной, где бы она не работала.

– Перестань паясничать, Александр, – недовольно ответила Марина Михайловна, оглядывая его с ног до головы. – Ты лучше объясни мне что происходит? То тебя вдруг неожиданно хоронят, то внезапно ты появляешься живой. Не с того же света ты ко мне явился?

Саша невесело вздохнул: – Можно сказать, что с того.... Просто один чудесный доктор не дал мне там остаться навсегда. Я пережил клиническую смерть.

Он подробно рассказал начальнику паспортного стола о том, что с ним произошло, упустив, естественно, причину по какой ушел из дома в ресторан.

Работая директором фирмы «Имбирсккомпьютерсервис», которая занималась продажей электронной техники и ее техническим обслуживанием, Саша часто оказывал помощь Марине Михайловне в ремонте и обслуживании компьютеров, разумеется, бесплатно.

– Ты один был в ресторане или с друзьями? – уточнила она, внимательно выслушав его.

– Один. Так что же мне теперь делать? Вот я, живой, стою перед вами.

– Для начала сядь, – улыбнулась она в задумчивости и прошла по кабинету. Потом тоже села в свое кресло и сложила руки у подбородка.

– Знаешь Саша. Я двадцать лет проработала в паспортном столе и за все время работы – это у меня первый такой случай. Значит так: живым, согласно закона, тебя может признать только суд. На его заседании твоя жена, родственники, друзья должны подтвердить, что ты действительно являешься Александром Васильевичем Пуховым такого то года рождения. Мы должны представить в суд свои, подтверждающие твою личность документы. Придется сначала восстанавливать твое свидетельство о рождении. Ты где родился? В Имбирске?

– Нет. В Челябинске. В Имбирск меня привезли, когда я уже ходил в школу.

– Это сложнее, – покачала головой Марина Михайловна. – Придется направлять в Челябинский ЗАГС. В общем, на скорый исход твоего дела ты не рассчитывай.

– А как же мне жить все это время? Без документов. Вы хоть какую-нибудь справку дайте.

– А на каком основании? У тебя жена есть? Вот и живи у нее. Выезжать из города нельзя. Сам понимаешь....

– Марина Михайловна! А кем же я до суда буду? Господином никто что ли?

– Ты вот что, господин никто, – сердито ответила она, принимая строго официальный вид. – Иди в соседний кабинет и там напиши заявление о том, что ты просишь восстановить свои документы. В заявлении укажи где, и при каких обстоятельствах они утеряны или украдены. Образец заявления тебе дадут. Все! Больше я ничем помочь не могу.

– Он вышел из паспортного стола в подавленном настроении. Дело принимало совсем не тот оборот, какой он ожидал. Выходит, зря надеялся на свое знакомство с Мариной Михайловной. Самое плохое то, что она не назвала ни одного хотя бы приблизительного срока получения нового паспорта. «Чем я провинился перед Богом? – думал он, направляясь на автовокзал. – За что он так жестоко наказал меня? Стоп, дорогой.... Не Бог виноват в том, что с тобой случилось, а ты сам. Не надо было пить лишнего и терять над собой контроль».

Он пришел на автовокзал и купил билет на автобус до Кузьминска, отправляющийся через сорок минут. Почувствовал, как проголодался, поднялся на второй этаж и подошел к стойке кафе. Заказал себе обед, затем, посмотрев на выставленные разноцветные бутылки со спиртным, попросил:

– Налейте мне вон той водки два раза по сто грамм.

– В один стакан? – подмигнула ярко накрашенная барменша.

– Нет. В два.

«В таком настроении лучше не ехать к Ирине. Зачем? Чтобы она меня пожалела? Я в ее жалости не нуждаюсь, – подумал он, беря со стойки две

стопки с водкой и садясь рядом за столик. – Будь что будет... Ну, это за упокой души, – выпил он из первой, затем поднял вторую. – А это за воскрешение из мертвых! Пока, так сказать, не официально», – с усмешкой добавил про себя Саша. Он снял с себя пиджак и, положив его на колени, посмотрел в окно. Ему показалось, что никогда раньше, он не видел такого прозрачного, чистого сияющего голубого неба и от этого на душе почему-то стало еще хуже.

Глава 4

Древний городок Кузьминск поражает взоры впервые приезжающих обилием церковных куполов. Особенно летом, когда на фоне голубого неба они ярко блестят золотом и часть из них, что на берегу, красиво отражаются под вечер на водной глади Волги. Однако вопреки своему обыкновению Александру сейчас было не до красоты природы. От долгой и утомительной дороги под палящим солнцем, а, скорее всего от выпитой на автовокзале водки, он чувствовал себя самым скверным образом. Недаром говорят: в жару не пей ни водки, ни вина, будешь мучаться целый день. Выяснив на местной автостанции, что последний автобус на Имбирск отправится через два часа, он вздохнул с огромным облегчением. Времени вполне достаточно, чтобы съездить из старой части города в новую, где жила Ирина, переговорить с ней и успеть к отправлению автобуса. Новый Кузьминск, в отличие от старого с разнообразными постройками двух, трех и более, трехсотлетней давности, серый и безликий. Пяти и девятиэтажные коробки с плоскими крышами стоят, как братья, близнецы. Такого моря градостроительного уродства нет ни в одной цивилизованной стране. Только в бывшем СССР. Трудно сказать, от чего это у нас? То ли от бедности, то ли еще от чего....

Сидя в кабине ядовито зеленого «Москвича», водитель которого согласился отвезти Александра в Новый город за сорок рублей. Саша с беспокойством смотрел по сторонам. Он никак не мог вспомнить тот дом, в котором жил отец Ирины. Как ни странно, он хорошо запомнил номер квартиры, а вот номер дома и сам дом почему-то нет. Может быть потому, что когда он приезжал сюда два раза, рядом с ним в машине сидела Ирина, и, словно штурман, давала ему указания, куда и как ехать.

– Вспомнил, какой дом тебе нужен? – хмуро спросил водитель, худой неразговорчивый мужик лет сорока. – Мы проехали почти весь город.

– Нет, – с досадой ответил Саша. – Они все похожи друг на друга как пеньки в лесу. Помню только, что он стоит около дороги, где-то в центре, но какой из них, черт его знает.

– Что будем делать? Вернемся назад, на автостанцию?

– Нет. Остановись здесь. Я пройду пешком, и, может быть, так быстрее вспомню, – сказал Саша, протягивая водителю три десятки за услугу. – Сдачи не надо....

– Спасибо, – подобрел мужик. – Мне лишние десять рублей не помешают. Слушай! Если надо я могу и подождать....

– Не надо, – махнул рукой Саша. – Я не знаю, сколько здесь пробуду.

Между тем время бежало неумолимо. По закону подлости всегда так: когда времени в обрез, то стрелки часов движутся настолько быстро, словно их нарочно кто-то подталкивает вперед. А когда наоборот, особенно если ждешь, то ползут как улитка. Саша шел по улице в обратном направлении к старому городу и продолжал разглядывать дома, стараясь воскресить в памяти хоть какую-нибудь нужную деталь. Вдруг он увидел на одном из домов неброскую вывеску: торговый центр «Луч» и его внезапно осенило. Они же с Ириной покупали электробритву ему в этом центре, и она тогда еще сказала: «Хорошо, что он в нашем доме далеко никуда идти не надо. Хорошо, что я забыл тогда электробритву с собой взять», – улыбнулся Саша. – А то бы получилось так, что зря сейчас приехал. К началу вечера дневная жара спала и, наконец, наступила долгожданная прохлада. «Нужно взбодриться, – сказал он себе. – Чтобы предстать перед Ириной в самом лучшем виде. Как сказал один мыслитель, если хочешь почувствовать бодрость духа, действуй так, словно эта бодрость духа в тебе уже есть.

Квартиру отца Ирины Саша нашел без труда. Все же немного волнуясь, нажал кнопку звонка и стал ждать. Однако на его звонок никто не отозвался. Он еще раз позвонил и еще, пока не понял, что в квартире никого нет. Тесть по идее должен быть дома. Из-за инвалидности он редко куда выходил. «Может, за продуктами пошел? Придется подождать, – подумал Саша. –

Скоро и Ирина, наверное, появится. А если она вообще не придет? У нее вполне мог появиться „милый друг“, что тогда? Почему я не учел такого варианта? Ладно, – поджал он губы. – Теперь поздно об этом думать». Он прислонился плечом к стене и стал глядеть в окно на темнеющий вдаль лес. «Интересно все же, какое выражение будет на лице Ирины, если она придет? – с усмешкой подумалось ему. – Уж она точно в обморок не упадет при виде воскресшего мужа».

Прошло больше часа, но не Ирина, не ее отец так и не пришли. Вместо них из лифта вышла усталая женщина, по виду пенсионерка. Она окинула Сашу изучающим взглядом и спросила:

– Вы кого-то ждете?

– Да, – ответил он, радуясь тому, что может получить от этой женщины, по-видимому, соседки, полезную информацию. – Я жду отца своей жены, вот из этой квартиры. Вы его знаете?

– Конечно, знаю. Как не знать, когда мы по соседству двадцать лет прожили. И жену вашу хорошо знаю. И вас на лицо тоже припоминаю. А вы разве не знаете, что они недели две как переехали на новую квартиру?

– Как переехали? – рассеянно произнес Саша и тут же спохватился. – Понимаете, я в командировке был....

– Понимаю, – охотно кивнула головой соседка. – Ваша жена тут ходила сама не своя. Ни с кем не разговаривала. А отец ее вообще по характеру молчун. Слова лишнего не вытянешь.

– Извините, – перебил ее Саша. А они случайно здесь никому свой новый адрес не оставили?

– Наверяд ли. Иван Антонович ни с кем здесь больно то и не общался. Я же говорила – он по характеру молчун. Уж не знаю, как тебе и помочь, – с состраданием посмотрела она на него.

– Спасибо. Не беспокойтесь, – стараясь быть как можно более спокойным, сказал Саша. Я сумею найти их.

– Ну, Бог тебе в помощь, сынок....

Александр вышел на улицу и присел на лавочку у подъезда. «Вот приколы, так приколы, – покачал он головой. – Теперь все дело в том, как я действительно сумею их найти. Судьба почему-то во всем настроилась против меня. Такого поворота я ни как не ожидал. Ну, и что же ты теперь будешь делать дорогой Александр Васильевич?? В чужом городе, без документов, к тому же официально вы покойник. Обратиться за помощью в милицию? Они помогут – пристроят в психушку, на казенную койку, как ненормального. Нет. Такой вариант отпадает. Нужно попытаться сделать по-другому. Пойти в домоуправление, в агентство недвижимости. Она же наверняка квартиру купила. Кузьминск – город маленький, и таких контор здесь не должно быть много. За день можно успеть все обойти и узнать все-таки их новый адрес. А если она купила квартиру без посредников? Все равно в каком-то домоуправлении должны были зарегистрироваться. Домоуправлений здесь тоже мало. Короче, нужно меньше рассуждать, а больше действовать. Ясно одно, пока он не найдет Ирину, уезжать ему не стоит. Кроме получения денег еще необходимо выяснить все обстоятельства своей «смерти». Влад может всего и не знать. Интересно, какое же участие она принимала в его «похоронах»? Ладно. От всех этих мыслей, если еще больше углубляться в размышления о том, как и что, может «крыша» съехать. Главное сейчас – не падать духом, как говорил в больнице дед».

Единственная достопримечательность нового Кузьминска, стоящая внимания, – городской парк. Созданный лет сорок назад на средства текстильного комбината, самого крупного предприятия в городе, он и сейчас продолжал иметь приличный и ухоженный вид. Причем находился он не далеко от дома, в котором жила Ирина. Городских жителей в парк привлекали великолепные липовые аллеи, нежно пахнущие несказанным ароматом в пору их цветения, и расставленные по всей территории резные деревянные скамейки.

Они давали возможность особенно пожилым людям отдохнуть на свежем воздухе в тишине и покое. Что удивительно и молодежь вела себя в парке по иному: спокойно и без шума. Не случайно, как только они приехали к отцу, Ирина сразу же повела Сашу в парк. И даже показала ту скамейку, на которой в первый раз поцеловалась с одноклассником. Потом они посидели около парка в кафе с символическим названием «Любовь». В действительности оно так было названо по имени его хозяйки. И многие обычно говорили: «Я был у Любки», или: «Давай зайдем к Любке». В этом кафе он решил поужинать, а в парке на скамейке переночевать. Саша думал, что ночи теплые, и он не замерзнет. А с утра начнет обход.

В кафе он нашел место у открытого окна и заказал подошедшей официантке скромный ужин. Немного поколебавшись, заказал еще двести граммов водки.

«А то не отключишься от своих тяжелых мыслей и до утра не сомкнешь глаз, – подумал он. – Выпью, поем и завалюсь спать как убитый где-нибудь в укромном уголке».

Только сейчас Саша остро почувствовал, насколько он ослаб после больницы. В висках постукивали молоточки, а все тело ныло, будто он сегодня таскал мешки с цементом как в студенческие годы. Ему казалось, что никакая сила не заставит его подняться с места.

«Когда выпью водки станет легче. Знаю, что нельзя мне пить. Но в моем положении „господина никто“ или пить, или Конец один. Пусть будет, что будет. Какой смысл жить дальше? Все планы, все мечты рухнули в одно мгновение. Сколько времени, полгода, год или больше пребывать мне в неопределенном положении между небом и землей, тоже неизвестно. В Чечне было тяжелее и страшнее, но намного проще. На войне как на войне: вот друг – вот враг. Или ты его, или он тебя. А на гражданке часто не разберешься, кто на тебя камень за пазухой держит. Или кто тебе сегодня улыбается, льстит, старается угодить, а завтра, блин, продаст за копейку».

Рядом с Сашей за соседним столиком, сидели четыре молодых, здоровых мужика и пили пиво. Он исподволь наблюдал за ними. Лица мужиков, их речи выражали озабоченность и недовольство своей жизнью. За работу не платят по несколько месяцев, а если где платят во время, как на том же текстильном комбинате, то такую мизерную зарплату, что на нее невозможно прокормиться. Не говоря о том, что надо платить за все: квартиру и прочее, обувать и одевать детей. А они, блин, растут как на дрожжах. В целом в кафе царил невеселая обстановка. Если вдруг, в каком то месте раздавался громкий смех, то большинство голов тут же поворачивалось в ту сторону с явным недоумением.

«Насколько же терпелив наш народ, – подумал Саша. – Как только над ним не издеваются – все терпит. Но если терпение кончится, что тогда? Эти мужики не остановятся ни перед чем. Им дай только второго Ленина. Что ты думаешь за других, упрекнул он себя. – У тебя своих проблем не мерено».

Выпитая водка не помогла избавиться от мрачных мыслей: «Зачем Ирине делиться с ним деньгами? Он ей уже никто. Тем более дальше жить с ней он не хочет. Совесть для нее такое же понятие, как теория относительности».

– Принесите мне еще сто грамм, – попросил он официантку.

– Больше не принесу, – отрезала та. – Ты и так уже хорош. Иди домой к жене.

Саша не стал с ней спорить и не твердой поступью направился в парк. По дороге, чтобы сохранить равновесие ухватился за фонарный столб.

«Да, – удивился он. – Развезло меня. Раньше по литру выпивал и на ногах держался».

В голове у него постоянно шумело. Этот шум напоминал море в непогоду. Когда волны одна за другой яростно набрасываются на каменный берег. Саша с трудом добрался до ближайшей скамейки и пластом рухнул на нее, больно ударившись об доску спинки.

Очнулся он оттого, что кто-то сильно тряс его плечо.

– Эй, мужик! Вставай! Кому говорю? А не то милиционеров позову.

Спросонья не соображая, где он находится, Саша открыл глаза и увидел над собой высокого мужика с большой бородой как у попа.

– Давай вставай и топай домой. Я ворота буду закрывать, – сердито сказал он.

– Ты... Кто? – с удивлением и опаской спросил Саша. «Не глюки ли начались у меня?» – подумал он.

– Ну, дает, – засмеялся мужик. – Я сторож в парке. Меня каждая собака знает. Иди домой, говорю. Пока по хорошему....

Саша осторожно встал, огляделся вокруг и вспомнил, как сюда попал. Он посмотрел на освещенные окна кафе. Потом поднял валявшийся на земле пиджак и пошарил по его карманам. В них было пусто.

– Странно, – пробормотал он в недоумении и опять взглянул на манящие окна кафе. Тут ему в голову пришла одна идея.

– Слышь! – обратился он к сторожу. – Возьми у меня часы. Заграничные. Ходят секунда в секунду. За двести рублей отдам.

– Да у меня таких денег нету, – ответил сторож, присматриваясь к часам. – Заграничные говоришь?

– Да. Ну, возьми за столик. Они полторы тысячи стоят.

– Полторы?! – удивился сторож. – А придешь домой, что жене скажешь?

– Нет у меня жены.

– Ты вот что, – засуетился бородач. – Посиди пока здесь, а я сбегаю в кафе за деньгами. Все равно ты, если не мне, так кому другому продашь по пьяни.

– Принеси мне вместо денег лучше водки и закуски, – попросил Саша, зажимая руками виски. – Голова прямо раскалывается.

Сторож принес ему пакет с бутылкой водки и кусками хлеба.

– А теперь уходи, – настойчиво сказал он.

«Куда же мне идти?» – подумал Саша, направляясь к выходу из парка.

Он устроился на ночлег на лестничной площадке девятиэтажного дома по соседству с парком, между восьмым и девятым этажами. Возле люка мусоропровода обнаружил большую картонную коробку и сделал из нее отличное сидение со спинкой. Отпив немного водки из бутылки и съев кусок хлеба, Саша почувствовал, как боль в голове постепенно стихла. Приложив к голове свернутый пиджак, он прислонился к стене и провалился в тяжелый сон. Проснулся он опять оттого, что кто-то сильной рукой тряс его плечо.

– Ты чего здесь устроился, брат? Ночевать что ли негде?

Саша поднял голову и увидел крепкого молодого мужика в грязной белой майке и порванных тренировочных штанах. Смотря на его приземистую, на совесть скроенную фигуру, можно было понять, что он обладает большой физической силой. А, глядя на его лицо с толстыми губами и курносый носом, понять, что обладает добродушным характером.

– Ты, вообще-то, кто? – пьяно икая, спросил парень.

– Человек, – неохотно ответил Саша, вставая.

– Человек, да? – мужик запустил в рыжие косматые, давно нестриженные волосы, растопыренную пятерню и задумался, как бы вспоминая, что же он хотел сказать еще.

Саша наблюдал за ним с сочувственной улыбкой.

– Ты знаешь, ночевать на лестнице не по че-ло-ве-чес-ки. Бери свои шмотки и пошли ко мне!

Решительно, не принимая никаких возражений, заявил рыжий, как про себя назвал мужика Саша.

– А ты один живешь?

– Нет. Со мной баба живет. Сестра. Ты ее не бойся. Она вот такая! – поднял рыжий кверху большой палец, а затем потянул Сашу за собой.

– Пойдем! Выпьем, посидим, поговорим....

– Выпить, между прочим, у меня тоже есть.

– Запомни! – потряс рыжий пальцем перед лицом Саши. – В одиночку пьют только алкаши. Правильно я говорю? Правильно. А мы с тобой не алкаши. Мы не пьем, а вы-пи-ваем. Усек?

– Ладно, пошли, – согласился Саша, а сам подумал, что если что не так он вернется на лестницу.

Когда они вошли в квартиру, он ощутил какой-то неприятный запах, происхождение которого пока определить не смог. Тем временем, на громкий стук входной двери из кухни вышла молоденькая женщина или девушка в неопрятном ситцевом халате, истоптанных шлепанцах на босу ногу. Но больше всего Сашу поразило ее лицо, с «печатью алкоголизма» на тонких правильных чертах. Несомненно, когда-то она была очень красивой, но сейчас производила только отталкивающее впечатление. Пьяных женщин он терпеть не мог.

– Ты кого еще привел? – недовольно спросила она, поймав на себе мимолетный взгляд Саши.

– Дру-га привел, – вскинул голову рыжий и обнял Сашу за плечи.

– А ты хоть знаешь, как зовут его? – хмыкнула она с иронией.

– Как тебя зовут? – пьяно улыбаясь, обратился рыжий к Саше.

– Саша.

– И меня звать Сашей. А ты еще спрашиваешь, кого привел? – передразнил он сестру. – Тезку своего привел. Друга.

– Ты как напьешься, так у тебя кругом одни друзья. Мне то по барабану. Ты здесь хозяин. Только смотри, чтобы тебя когда-нибудь не обокрали, – сказала она неприязненно.

– А что у нас брать то, Вика? – искренне изумился хозяин. – Старый телевизор что ли? Так он даром никому не нужен.

– Я разве похож на вора, – с усмешкой спросил Саша.

Вика недовольно поджала губы и молча ушла на кухню.

– Не обращай внимания, на этих баб как наедет, – по дружески проговорил рыжий Саше. – А мне ты, знаешь, с первого взгляда понравился. Я тебе точно говорю. Короче, проходи в мою комнату. Вот сюда. А я пока закусь возьму.

– Да-а, – негромко протянул Саша в изумлении, войдя в комнату хозяина. – Такого я еще не видел.

На грязном полу, давно требующем ремонта, облезлой комнаты виднелись отпечатки следов обуви. У одной стены стояла деревянная кровать с отломанной спинкой и неубранной постелью. У другой валялся ватный полосатый матрас с неопределенного цвета подушкой. Большой шкаф для одежды был без дверей. На столе посреди комнаты стояли бутылки, невытые тарелки и валялись недоеденные куски хлеба.

«Да. Круто я попал. Это не квартира, а притон какой-то», – подумал Саша, и его неудержимо повлекло на лестницу. Вдруг он углядел в шкафу на полках ряды книг и заинтересовался. Книг оказалось довольно много. Среди них были и произведения писателей классиков, и современных авторов. Что изумило Сашу, так это то, что ни одна книга не была ни запачкана, ни порвана.

– Я телевизор не смотрю. Он у Вики находится. Я читать люблю, – слышался сзади него довольный голос хозяина. Он оценил Сашино внимание к своим книгам. Саша обернулся и изучающее, словно впервые, посмотрел на него. Потом поинтересовался:

– Ты кто, вообще, по профессии?

– Сварщик. Дипломированный. Знаешь, мне самые ответственные работы поручали.

– А как ты дошел до такой жизни?

– Это отдельный разговор. Долго рассказывать и, честно говоря, не хочется. Ты садись к столу, не стесняйся.

Хозяин поставил на стол тарелку с огурцами и нарезанной крупными кусками колбасы. Стал разливать водку по стаканам, которую поставил на стол Саша.

– А в этих бутылках что? – показал Саша на бутылки с винными этикетками.

– Самогон. Хороший самогон бывает даже лучше чем покупная водка. Особенно сейчас, когда можно напороться на всякое фуфло в ларьках. Мы сами с Викой гоним. И продаем. На качество никто не жалуется.

«Вот откуда в квартире этот специфический запах. А я не догадался», – подумал Саша. Еще он обратил внимание на мокрую голову тезки. Рыжий держал голову под холодной водой, чтобы протрезветь немного.

Рыжий тезка с любовью взглянул в сторону книг и сказал:

– У меня с детдома привычка книги читать. Спрячешься где-нибудь с книжкой в руках и читаешь в захлеб, пока тебя не найдут. Ну, давай выпьем.... За нашу встречу! – поднял он свой стакан.

– Давай, – согласно кивнул Саша.

– Про меня, конечно, забыли, – вошла в комнату Вика и села рядом с братом, держа в руке пустой стакан.

– А тебе как принцессе, особое приглашение нужно? – улыбнулся тот.

– Обойдусь и без вашего приглашения. Сама себе налью.

Она налила себе полстакана самогона и, не морщась, спокойно выпила.

– Знакомься – Вика! Бывшая звезда экрана, – представил Саше свою сестру рыжий. – Артистка!

Вика сидела за столом, подперев подбородок левой рукой, а правой постукивала вилкой по тарелке.

– Вы действительно артистка или он шутит? – заинтересовался Саша. У него слегка кружилась голова, но настроение значительно улучшилось. Рядом с ним были люди, может быть еще больше обиженные судьбой, чем он. И не делали из этого ни каких проблем. Оставалось лишь разгадать, в чем они видели смысл своего существования.

– Нет, не шутит. Я окончила Щепкинское училище. А вам не верится? – с вызовом спросила Вика. И, смотря в упор на Сашу большими карими глазами, под которыми залегли темные полукружья.

– Ну, почему же, – пожал плечами Саша. – Просто я никогда не был знаком с профессиональной актрисой. Мне интересно....

– А мне нет, – отрезала Вика. Она не могла простить ему того брезгливого взгляда, которым он посмотрел на нее первый раз. Она тогда с трудом сдержалась, чтобы не вытолкать неприятного гостя из квартиры.

– Как я понимаю, ты не из нашего города? – спросил тезка, стремясь загладить возникшую за столом неловкость.

– Нет. Я из Имбирска. У меня здесь тещь живет. Но я не знал, что он на другую квартиру переехал. Утром попробую его разыскать.

– Давайте все вместе выпьем за нашу встречу, – предложил хозяин и строго посмотрел на сестру. Та нехотя подставила свой стакан.

– Я только что вышел из больницы. Чувствую себя слабовато. Если сейчас выпью, то, наверное, отключусь, – замялся Саша.

– Ну и что? Положим на матрац и будешь спать. Пей, не бойся, – ободряюще улыбнулся хозяин.

После того, как Саша выпил, голова его совсем затуманилась. До сознания плохо доходило то, что говорили тезка и Вика, что говорил он сам. Последнее что он смог запомнить, это была его мысль о том, какие они хорошие добрые люди. А Вика довольно мила.

Глава 5

Влад возвратился из Чехии в Россию окрыленный, полный радужных надежд и далеко идущих планов. Он мечтал стать богатым, человеком настолько богатым, чтобы иметь возможность жить красивой жизнью. Купить себе по западным меркам приличный дом в окружении газонов, с открытым бассейном, роскошную машину и дачу типа виллы где-нибудь на вечно зеленом берегу. Впрочем, зачем дача, рассуждал он. Если будет возможность посещать любой курорт мира. Да и любовница у него будет другая. Не провинциальная серая баба, а утонченная аристократка, благоухающая ароматом настоящих французских духов. И вот он оказался близок к осуществлению своей мечты. В Праге его познакомили с одним крупным бизнесменом, Ярославом Фучиком и они договорились о создании совместной фирмы. Ярослав предложил хорошую идею: поставлять продукцию предприятий Волжского региона на рынок Европы. Он даже назвал конкретные предприятия, которые его интересуют. В том числе Имбирские. Влад не сомневался, что с его пробивными способностями и множеством связей, причем в самых высоких кругах, дело обязательно пойдет. Тем более он знал – некоторые руководители российских заводов и объединений не могут самостоятельно пробиться на внешние рынки. Кстати, в Чехии открыть свое дело намного проще, чем в России. Там действует заявительный порядок, а не разрешительный как у нас. Там нет необходимости ходить по кабинетам и давать чиновникам взятки. В России только на получение одних лицензий на право деятельности убьешь уйму времени и денег. Скоро даже на посещение туалета потребуется лицензия. Немаловажно и то, что сама жизнь в Чехии гораздо спокойнее и безопаснее чем в России. Например, по Праге можно безбоязненно ходить в любое время суток.

Они с Ярославом договорились: как только их фирма организуется, Влад вначале один переедет в Прагу, а по мере того, как пойдут дела, перевезет и семью. Имбирская фирма по продаже и сервисному обслуживанию компьютеров теперь ему не нужна. Лучше он ее продаст и вложит деньги в новое предприятие. Больше он не намерен заниматься тем, что не приносит нужной прибыли. Вспомнив о своей фирме Влад самодовольно улыбнулся. После Сашкиных похорон он сумел «навешать лапшу» на уши его вдове – Ирине. Этой стерве, из-за которой Сашка и погиб. Убедил ее, что фирма подошла к банкротству в результате многочисленных пьянок ее мужа. За десять тысяч долларов она подписала все нужные ему бумаги. Так он стал полновластным хозяином, чего собственно давно хотел. Что Бог не делает – все к лучшему. Причем, по сравнению с той суммой, какую он выручит от продажи фирмы, эти десять тысяч баксов – крохи. Самое важное – покупатель уже есть в Москве.

В Имбирск Влад приехал утром, не выспавшийся и усталый. Поэтому решил ехать не в свой офис, а домой. Всю ночь в соседнем купе кричал больной ребенок и не давал спать окружающим.

«Жена сейчас с сыном у родителей на даче. Она в отпуске я поеду к ним, когда выплюсь», – подумал он.

Однако, к его радости, Зоя оказалась дома. Жена встретила Влада с упреком: – Как уехал, ни одного звонка. Я так переживала...

– Не сердись, – привлек он к себе жену. – Я настолько замотался там, что мне было не до звонков. Понимаешь, переговоры шли, чуть ли не круглые сутки. Зато могу тебя обрадовать, – широко улыбнулся он. – Скоро мы будем жить в Праге. Это не город, сказка. Там настолько хорошо, что...

– А ты меня спросил? Хочу я этого или нет? – Зоя высвободилась из объятий мужа и отступила на шаг назад.

– Ты не знаешь, что моя мама очень больна. Я не могу оставить ее одну.

– А отец?

– У папы большое сердце. Он не в состоянии один ухаживать за мамой.

Влад скрестил руки на груди, и Зоя заметила на его левой руке новый, крупный золотой перстень.

– Скоро у меня будет много денег, и ты поедешь с мамой в Германию. В тот город, в котором вылечили жену нашего губернатора. Сына мы пока оставим у моих родителей. Кстати, где Севка?! Я так по нему соскучился. И по тебе, конечно. Я вас обоих люблю.

– Его твои родители взяли вчера днем на дачу. А я осталась. Видимо, сердце чувствовало, что ты приедешь. Я надеюсь, мы поедem к ним?

– Конечно. Но сначала я высплюсь, как следует. Всю ночь в вагоне кричал больной ребенок, и никто не спал.

– Ты сначала позавтракай, а потом ложись. Иди, умойся с дороги и садись за стол.

Влад переоделся, умылся и, зевая во весь рот, сел в кухне за стол.

– Мне только кофе и бутерброд. А то я усну прямо над тарелкой.

Зоя приготовила мужу кофе, положила перед ним бутерброды и села напротив, подперев кулаком округлый подбородок. Глядя, как он маленькими глотками пьет кофе, вдруг недоверчиво спросила:

– А откуда у тебя появится много денег? И на лечение мамы, и на переезд в Прагу.

– Я решил продать свою фирму и вложить деньги в новое предприятие, которое будет организовано в Праге. С одним чешским бизнесменом. Сашкину долю я продал Ирине, так что с этой стороны все в порядке.

Зоя вдруг встала и, опираясь о стол руками, взволнованно сказала:

– Саша жив!

– Что ты сказала? Как это жив?! – округлились глаза у Влада. Сонливость как рукой сняло.

– Я сказала – Саша жив! – повторила, глядя ему в глаза.

– Ты что, смеешься? – не мог поверить Влад. Всякие сюрпризы преподносила ему жизнь, но чтобы такой. Как гром среди ясного неба. – Может быть, кто-то подшутил над тобой?

– Это не шутка, Влад. Я Сашин голос, ни с каким другим не спутаю. Когда он позвонил и спросил меня, где ты, у меня трубка чуть из рук не выпала. Знаешь, как я перепугалась. Тоже сначала не поверила.

– Он тебе больше не звонил? Интересно, где он сейчас находится.

– Нет, не звонил.

– Что ты ему про меня сказала?

– Ничего не сказала. Я в шоке была.

– Нет, не может быть такого.

Влад встал и полез в карман за сигаретами.

– Это все-таки кто-то подшутил над тобой.

– Сашу видела на автовокзале моя подруга. Вначале своим глазам не поверила, но потом убедилась, что это именно он.

– Знаешь что, – взял Влад мобильный телефон. – Я сейчас позвоню Ирине и узнаю, где он. Нет, я не буду ей звонить. – Влад нервно закурил и подошел к открытому окну. Воскрешение Сашки Пухова губило все его планы.

– Почему не будешь звонить? – удивилась Зоя, глядя на мужа непонимающими глазами.

– Ты что, кукла без мозгов? Неужели трудно сообразить, что теперь, когда Сашка оказался жив, у меня могут возникнуть сложности с продажей фирмы. Поэтому, пока он не очухался, мне надо в быстром темпе оформить это дело. Поняла?

– Нет, не поняла. Ты как с цепи сорвался, когда узнал, что Саша жив, – обиженно проговорила Зоя.

– Ты чего из себя дурочку строишь? – гневно сузил глаза Влад. – Он может опротестовать подписанные Ириной документы и запросить с меня пятьдесят процентов от стоимости сделки. А мне все деньги сейчас нужны. Полностью! Иначе конец всем моим планам. Понятно?! И твоя мать в Германию не попадет, а отдаст концы в нашей вонючей больнице. Так что ты тоже в этом заинтересована, моя дорогая.

Влад с сильным раздражением вышел в коридор и зашагал по нему взад вперед, растирая внезапно занывший затылок. Зоя вышла вслед за мужем, сложила руки за спиной и, прислоняясь к стене, внимательно наблюдала за ним. На ее лицо набежала сильная тень.

– Короче, так, – остановился перед женой Влад. – Я сейчас же уезжаю в Москву. Все необходимые бумаги у меня есть и завтра или послезавтра я постараюсь завершить сделку по продаже фирмы. Потом полечу в Прагу. Ты жди от меня звонка. Про Сашку я ничего не знаю. Меня дома не было. Все поняла? – сухо уточнил он.

– Это же подло Влад, – дрожащим голосом промолвила Зоя.

– Подло! – неожиданно взорвался Влад. – Может быть, ты будешь говорить мне о благородстве, о любви к ближнему? Нет, дорогая! Каждому своя рубашка ближе к телу. А потом, с чего ты взяла, что я собираюсь кинуть Сашку? Я выплачу ему что положено. Но позже. Когда новое дело пойдет. Бизнес, также как и политика, не всегда делается чистыми руками. Иначе крупного успеха не добиться. Кем мы были с Сашкой в бизнесе? Мелкими тлями, которых мог доить каждый муравей. А я не хочу быть мелкой букашкой всю жизнь. Можешь ты это понять?

– Мне понятно, что я прожила с человеком девять лет и как сейчас выясняется, совсем его не знала, – дрожащим голосом сказала Зоя.

– Да? – усмехнулся Влад. – Ты такая же идеалистка как наш Сашка. . . , – он хотел добавить что-то еще, но сдержался.

– В общем, так, – уже спокойно произнес он. – Я уезжаю, а ты можешь приютить Сашку у себя, если он тебе настолько дорог. Ему, наверное, жить негде. Лох несчастный купил квартиру и оформил на жену. Короче, я возражать не буду, друг, все-таки, – насмешливо улыбнулся Влад.

Поблудневшая Зоя не проронила ни одного слова. Ее сердце словно оледенело.

В середине июля летняя жаркая погода вдруг сменилась на прохладную как осеннюю. Небо затянулось тучами и пошли дожди. В один из таких дождливых хмурых дней с таким же хмурым настроением Ирина приехала в Имбирск. Она хотела отдать запасные ключи от своей квартиры, которую продала неделю назад. И заодно купить себе кое-что из одежды. Поскольку дом находился недалеко от вокзала, а дождь к этому времени прекратился, и впервые выглянуло солнце, ей захотелось просто пройтись. С появлением теплых солнечных лучей настроение у нее значительно улучшилось. Но чем ближе она подходила к своему дому, тем печальнее становилось у нее на душе. Ее с новой силой охватили воспоминания о муже. Мало того, появилась какая-то неосознанная тревога предчувствие чего-то неожиданного. Ирине начало казаться, что вот сейчас Саша выйдет ей навстречу. И приветливо махнет рукой. Она как будто видела его скромную улыбку, добрые глаза. И готова была рвануться к нему с криком: «Я тебя люблю!». Но разум дал понять несбыточность всего этого, и ей стало так горько, что комок к горлу подкатил.

«Я любила его, но не смогла оценить так, как он того заслуживал. Я потеряла по своей вине самое дорогое, что у меня было. . . », – Ирину стали душить слезы.

Со слезами на глазах и в расстроенных чувствах она подошла к двери своей квартиры и увидела, что новые хозяева успели сменить замок.

«Зачем я, дура ненормальная, угробила столько времени и денег на дорогу», – расстроилась она еще больше. В растерянности, стоя на лестничной площадке, Ирина вдруг обратила внимание на дверь соседки – тети Маруси. Эта больная старая женщина проявила к ней такое сочувствие и такую готовность оказать помощь в ее беде, без которых она не знала, как бы

сумела выжить. Ирине стало стыдно. «Как же я забыла про нее», – подумала она. Нужно зайти к тете Марусе. Она часто болеет и, может быть я чем-то смогу ей помочь.

Вытерев слезы и несколько раз глубоко переведя дыхание чтобы успокоиться, она нажала кнопку звонка. Тут почему-то вспомнились слова отца: «Соседка мне сказала, что Саша последнее время часто пил. Я знаю – это из-за твоего взбалмошного капризного характера он начал пить».

«Если бы все можно было вернуть назад», – тяжело вздохнула Ирина.

Тетя Маруся, затаив дыхание, долго рассматривала ослабевшими глазами неожиданного гостя в дверной «глазок». Пока не убедилась, что это точно Ирина.

– Заходи, милая. Заходи, – обрадовалась она. – А то я все одна да одна. Болею, никуда не выхожу.

– Я приехала к вашим новым соседям и вот решила к вам зайти. Может вам чем-то помочь смогу?

– Спасибо и на том, что зашла. Вот радость то мне. А то я тут такого страху натерпелась. Такого страху, что не приведи Господь. Да ты проходи, садись за стол. Я тебя сейчас чаем с дороги напою.

Ирина прошла в комнату и села на старый скрипучий диван. Тетя Маруся пошла на кухню.

– Про какой вы страх говорили, тетя Маруся? Что вас могло так напугать? – с любопытством спросила Ирина. Однако соседка долго не отвечала.

«Не слышала, наверное, что я спросила», – подумала Ирина.

– Да ведь мне даже рассказывать тебе боязно, – вышла из кухни тетя Маруся с чайником в руке. – До сих пор чудится, что он где-то здесь рядом.

– Кто он? Приведение что ли? – заинтересовалась Ирина, одновременно ощущая как у нее вдруг, ни с того ни с сего, с болью сжимается сердце.

– Не знаю, как тебе сказать, – замялась тетя Маруся. – То ли приведение, то ли сам черт в его образе. Со страху то не разберешь.

– Да кто это? Про кого вы говорите? – не выдержала Ирина.

– Про Сашу твоего, – тихо ответила соседка, сложив руки на животе. – Я его, прямо как живого видела. Аж затряслась вся. Думала, со страху помру. Я, значит, в магазин хотела пойти, двери за собой запираю и вдруг слышу за спиной его голос, радостный такой: «Здравствуйте, тетя Маруся». Я сначала подумала, что это мне мерещится. А как обернулась – батюшки мои! Он передо мной стоит. И улыбается. В костюме, но не в том черном, который ты в морг отвозила, а в другом. Поглядишь ведь и не поверишь, что он умер, как есть живой!

Ирина почувствовала, как в горле перехватило дыхание, перед глазами все поплыло, и она потеряла сознание.

– Вот ведь дура старая, – запричитала возле нее тетя Маруся. – Распустила свой язык. Смолчать надо было...

– Ну, как ты, доченька, – чуть не плача спросила она Ирину, отирая ее лицо мокрым полотенцем.

– Сейчас все пройдет, – приходя в себя, промолвила Ирина. Она сделала попытку подняться, но голова опять закружилась и подступила легкая тошнота.

– Ты лучше приляг. Полежи немного, – виновато попросила тетя Маруся.

– Нет, я ложиться не буду. Посижу немного и пойду, – слабым голосом сказала Ирина и спросила: – А когда это случилось? Когда вы видели Сашу?

– Три дня назад. Аккурат тогда мне пенсию принесли...

– Значит, он жив. Произошла какая-то невероятная, чудовищная ошибка, – в сильном волнении проговорила Ирина, глядя перед собой в одну точку.

– Бог с тобой! Ты в своем уме? – всплеснула руками тетя Маруся.

Не слушая соседку, Ирина дрожащими руками достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер Влада, подумав, может, Саша ей и звонил, но она сменила свой номер. Ей ответили, что телефон абонента выключен или недоступен. Тогда она позвонила на его домашний номер. Трубку сняла Зоя.

– Я слушаю. Алло?

– Зоя, это я, Ирина, – поспешно начала говорить она, боясь, что Зоя положит трубку или связь между ними по какой-нибудь причине оборвется.

– Вы что-нибудь знаете о Саше?

– Ты откуда звонишь? – чуть помедлив, спросила Зоя.

– Из своего дома, от соседки. Можно я к вам приеду?

– Приезжай, – сухо ответила Зоя.

Выйдя из дома и поймав такси, Ирина в дороге ни о чем не думала. В голове ее как будто стучали молоточки: жив, жив, жив.

Приехав к Зое и взглянув на ее лицо, Ирина опешила. Она знала жену Влада спокойной и уравновешенной, но сейчас Зоя выглядела так, словно у нее произошло большое горе. Глаза погасли, уголки рта скорбно опустились. От Саши Ирина слышала, что у Зои серьезно больна мама, но спросить об этом не решалась.

– Да, Саша жив, – подтвердила Зоя. – Его видела моя подруга на автовокзале. А ты откуда узнала?

– Мне наша соседка сказала, что видела его. Но она так перепугалась, что даже не стала с ним разговаривать, она приняла его за привидение. Я хочу знать, где Саша сейчас находится. Где его можно найти? Может быть, Влад знает?

– Нет, Влад не знает, – как-то отчужденно ответила Зоя. – И ты меня о нем не спрашивай. Для меня его больше не существует.

«Надо же, – подумала Ирина. – Такая дружная семья была. Конечно, это Влад виноват. Не пропускал ни одной юбки. До Зои дошло, и она его не простила...».

– Зоя! – воскликнула она. – Я понимаю тебе сейчас плохо. Но я умоляю тебя! Если Саша вдруг позвонит, ты передай ему мой новый номер телефона и адрес в Кузьминске. Скажи, что я очень жду его. Вот, возьми, пожалуйста, – Ирина торопливо достала из сумки бумажку и протянула ее Зое.

– Хорошо, – согласилась та и положила бумажку рядом с телефоном.

– Ты квартиру вашу продала? – спросила она.

– Да, но я же ничего не знала, – в отчаянии произнесла Ирина. – Если бы ты знала, как я люблю его!

– Это ты ему скажешь. Может он и поверит, – усмехнулась Зоя. – Хотя я лично очень сомневаюсь. После всего того, что мне Влад рассказал про тебя, мне даже разговаривать с тобой не хочется. Мне очень обидно за Сашу. Дурак он.

– Нет, он не дурак, – горячо возразила Ирина. – Это я дура была, идиотка! Замучила его своими капризами. Но теперь все будет по-другому! Я не знаю, что Влад мог рассказать про меня, только хочу, чтобы ты знала. Он хотел, сделать меня своей любовницей, только у него ничего не вышло. И с тех пор он возненавидел меня.

– Меня это уже не волнует, – поморщилась Зоя. – Я подозревала, что у него есть любовница. А ты это была или нет, мне абсолютно все равно. И нечего передо мной оправдываться. Оставь меня, пожалуйста. Если Саша позвонит – все что ты просила, я ему передам.

– Спасибо, – кусая губы от незаслуженной обиды, вымолвила Ирина.

«Она сама, наверное, равнодушна к Саше. Поэтому так и отнеслась ко мне, как к последней дряни», – думала она, спускаясь вниз по лестнице, и чувствуя, как у нее эмоции перехлестывают через край. Выйдя на улицу, Ирина гордо вскинула голову: «Я знаю – Саша любит меня и простит».

По своей логике красивой, самоуверенной женщины, которую многие мужчины готовы носить на руках, она даже не могла допустить иной мысли. К сожалению, большинство красавиц почему-то считают главным достоянием женщины именно внешние, а не внутренние данные. Безусловно, внешняя притягательность имеет в любви немаловажное значение, но ведь недаром гласит русская народная пословица – не родись красивой, а родись счастливой.

Глава 6

Саша проснулся от шума прибоя. Оказалось, волны бились в его голове. Помимо этого, ее словно стянуло железным обручем как деревянную бочку. Он лежал боясь пошевелиться, чтобы не вызвать новый приступ боли. Во всем теле ощущалась невероятная слабость, в груди покалывало, к горлу подступала тошнота. И мучительно хотелось пить – сильная жажда иссушила губы.

«Мне вообще нельзя пить, а я нажрался как свинья. Слабак. Ничтожество», – с презрением подумал он о себе.

Пробуждение души всегда болезненнее пробуждения сознания. Хуже нет того состояния, когда человек осознает свое бессилие.

В ярком свете дня он обвел глазами обшарпанную комнату с насквозь проспиритованной душной атмосферой и горько усмехнулся: «Закономерный финал. В результате безумной пьянки попал в отстойник, куда попадают люди с искалеченными судьбами, как отбросы общества. Значит, и мне в него дорога, раз я оказался не способен держать удар судьбы. Нет! Так легко сорваться нельзя, – решительно сказал он себе. – Надо собрать волю в кулак и встать. Нужно уходить отсюда. И чем быстрее, тем лучше».

Саша осторожно перевернулся на бок. Потом, опираясь на локоть, сделал попытку подняться. Однако тут же рухнул обратно на матрас. Из груди его вырвался громкий стон.

«Куда ты торопишься? Кто тебя ждет?» – с едким сарказмом прозвучал внутренний голос.

– Приветтики! – услышал он через несколько минут хриловатый, но приятный женский голос. В комнату вошла Вика. Вместо вчерашнего грязного халата он увидел на ней чистое простое платье, скромно подчеркивающее стройность загорелых ног. Густые каштановые волосы сегодня были тщательно расчесаны и перевязаны алой ленточкой. По хрупкой девичьей фигуре Вика выглядела лет на двадцать, а по лицу с печатью алкоголизма намного старше.

– Живой?! – сочувственно улыбнулась она, глядя на него темными глазами, над которыми были красивые дугообразные брови. Обращенные к верху уголки ее маленького рта говорили об искренности чувств. Сегодня Вика показалась ему даже обаятельной, лишней раз доказав на своем примере простую истину. Если сотворить красоту может Господь Бог, то сделать себя привлекательной по силам каждой женщине. По крайней мере Саша уже не чувствовал к ней ту жалость с оттенком неприязни, какую почувствовал вчера. Вика своим внутренним чутьем мгновенно уловила это, ее глаза благодарно просияли.

– Живой, – попытался улыбнуться он в ответ, но его улыбка получилась жалкой попыткой замаскировать плохое самочувствие.

– Принеси воды, пожалуйста, – попросил он слабым голосом. Ему стало стыдно перед этой то ли женщиной, то ли девушкой за свое беспомощное состояние и Саша отвернулся к стене.

Однако вместо воды Вика принесла полстакана водки.

– На, выпей, – заботливо склонилась она над Сашей. – Тебе сейчас только водка поможет. Я уже с утра похмелилась.

– Не хочу, – качнул он головой. Запах спиртного вызывал сейчас отвращение.

– Выпей – настойчиво повторила Вика. – Иначе целый день будешь валяться как бревно.

И Саша пересилил себя – выпил. Перспектива валяться целый день его не устраивала. Вика непринужденно опустилась на матрас и села на пятки, положив руки на колени. Ее ноги оголились по самые бедра, но она, казалось, не обращала на это внимания.

– Ну, как?

– Действительно стало лучше, – подтвердил он, с облегчением переводя дыхание.

– То, что ты нам рассказывал о себе, это правда? – недоверчиво спросила Вика, глядя ему в глаза.

«Интересно, что я наболтал им в пьяном бреду? Видимо, нарыв на душе прорвался», – промелькнула у него мысль, а вслух он произнес:

– Я ничего не помню. О чем я вам говорил?

– Про свою жизнь: про жену, про больницу, и про то, как тебя похоронили, пока ты был в больнице. Знаешь, что я тебе скажу – твоя жена хотела развести тебя на бабки. Она, похоже, совсем не любила тебя. Есть такие стервы.

– А где хозяин? – спросил Саша, стремясь перевести разговор на другую тему. Обсуждать с кем-либо свои личные проблемы у него абсолютно не было желания. Хотя, надо признаться, ему показалось, будто они с Викой знакомы очень давно и он имел к ней сейчас благожелательное расположение.

– На шашку ушел. Теперь до вечера не придет.

Вика порывисто встала, взад вперед прошла по комнате и вдруг, остановясь прямо перед Сашей, отрывисто бросила:

– А он мне не брат!

– А кто? – удивленно поднял брови Саша, не сводя с нее заинтересованного взгляда.

– Просто хороший, добрый друг. У нас с ним нет других отношений, – вздохнула Вика. – Если ты не веришь мне, это твое дело. Мне до фени.

– Я верю. А как ты попала к нему? Вы давно знакомы?

– Нет, не очень. Между прочим, он сам так захотел, чтобы меня все знали как его сестру. Александр, вообще, замечательный человек, только мало разговорчивый. Поэтому и кличка у него такая – Угрюмый. Когда он очень много выпьет, он становится веселым и с ним можно поболтать. Слушай, Саш! Давай выпьем, а? Не знаю, что на меня сегодня нашло? Мне перед тобой хочется высказаться как на исповеди перед священником. Давай выпьем, но по чуть-чуть, – умоляюще попросила она.

– Но если по чуть-чуть, то давай, – согласился Саша, понимая, что Вике действительно необходимо еще выпить, чтобы подтолкнуть себя к полной откровенности, по сути, совсем с незнакомым ей человеком. Мало ли на свете располагающих к себе по внешнему облику людей с подлой душонкой внутри.

– Ты хороший парень, Саша, – с чувством произнесла Вика. – И все у тебя, в конце концов, будет хорошо. Только не отчаивайся.

Вика ушла за водкой, а вместо нее в комнате появился здоровенный котяра серо-белого цвета. Он уселся в метре от Сашиного лица и изучающе посмотрел на него широко расставленными зелеными глазами.

Одного беглого взгляда на кота было достаточно, чтобы определить по его лобастой наглой морде, какой у него независимый характер. Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга. Потом кот мяукнул и пошел по хозяйски к гостю. Он улегся у него под боком, положив мохнатую голову на вытянутые лапы, и довольно заурчал. Саша ощутил рукой его живительное тепло и закрыл глаза.

– Ни фига себе! – раздался удивленный возглас Вики. – Смотри как улегся, гад, с чужим человеком. А меня, зараза, чуть за палец не цапнул, когда я хотела его погладить. Вика принесла почти полбутылки водки. Немного плеснула Саше, остальное вылила в свой стакан. Они выпили, закусили остатками вареной колбасы с хлебом, и некоторое время молчали, думая каждый о своем.

– Ты знаешь, Саша, – прервала задумчивое молчание Вика, глядя на него хмельными, неестественно блестящими глазами. – Я каждый день задаю себе вопрос – зачем я живу на этом свете? Вернее, существую как трава, – усмехнулась она. – В моем окружении одни алкаши и я такая же алкашка. Предел наших мечтаний выпивка, жратва и тепло. Чем мы отличаемся

от скота? Ничем! Я как посмотрю на свою красную рожу в зеркало, так мне тошно становится и что-нибудь с собой сотворить хочется...

У Вики давно накопилась потребность кому-то излить свою душу, но до сих пор не находилось подходящего слушателя, вызывающего у нее глубокую симпатию и способную выслушать ее до конца.

– Ты же молодая. Здоровая. При большом желании можешь вылечиться и начать новую жизнь. Вернешься в Москву и найдешь себе работу. У тебя есть образование, есть талант, – горячо сказал Саша.

– Все у меня есть, – размазала по щекам слезы Вика. – Только обратного хода нет. Я живу без документов, так же как и ты. Я тоже – Никто.

– Почему?

– Слушай, расскажу, – губы нервно дернулись, но она совладала с собой, вытянув вперед сцепленные руки. – Ты хотел узнать – как я попала на дно? Ну, что же, я расскажу тебе... Я опустилась из-за такого же козла, как любовник твоей жены. Тоже молоденьких любил. Меня с ним познакомила одна моя подруга. Говорила, что он хочет снять художественный фильм на свои бабки, поэтому решающее слово в выборе актеров будет не за режиссером, а за ним. Я, дура, поверила. В это время я начала работать в театре, но мне страшно хотелось сняться в кино. Это такое счастье увидеть себя на экране, ты не можешь себе представить. В начале он мне очень понравился. Высокий брюнет с седыми висками. Солидный такой, вежливый и щедрый. Он мне такие букеты цветов дарил, что мои подруги от зависти чуть не помирали.

– Ну, а дальше что? – нетерпеливо спросил Саша.

– Дальше мы однажды провели классный вечер в ресторане, и он пригласил меня к себе на квартиру. Я думала, будет романтическое продолжение... При свечах, завораживающей музыкой. А вместо этого он, сволочь, сразу набросился на меня как голодный волк. Я, конечно, не невинная девушка, но и не шлюха, чтобы со мной так обращались. Взбрыкнула как бешеная лошадь. Тогда он, представляешь, показал мне кейс, набитый пачками долларов и начал «мозги пудрить»: я, мол, скоро уеду за границу, возьму тебя с собой. Думал соблазнить, словно неискушенную барышню. В общем, послала я его куда подальше и только собралась уйти, как он снова накинулся на меня. Хотел под себя подмять. Не помню, как я дотянулась до какой-то металлической статуэтки и врезала ему по черепу. Он сразу обмяк и сполз на пол. Возле головы образовалась такая лужа крови, что я в ужасе выскочила из квартиры, забыв про свою куртку. На мое счастье, охранник куда-то отлучился. Пришла в себя уже дома, у одной бабуси, у которой мы с подругой снимали комнату. Я понимала, что пока меня не арестовали, мне нужно как можно быстрее выскочить из Москвы. Поэтому напела бабке что-то про больную мать, побросала кое-какие вещи в сумку и поскакала на вокзал. Маша-растеряша! Про паспорт опять забыла. Пришлось где электричкой, где автобусом добираться до Кузьминска к своей тетке – сестре отца. Еду в автобусе и думаю, хорошо, что паспорт не взяла, а то бы поехала на поезде и засветилась с ним. К матери я специально не поехала. Там меня бы быстро взяли. А тетка моя, когда-то в милиции работала, я надеялась – она что-нибудь придумает, поможет спрятаться. И что ты думаешь? Приезжаю я в Кузьминск, а моей тетки нет. Продала свой дом и куда уехала никто не знает. В ее доме какие-то грузины поселились. Не знаю, поверили они мне или нет, что я – ее племянница, но дали пожить первое время, и устроили продавщицей на рынок. Дальше я нашла себе комнату и с головой окунулась в базарную жизнь. Стала пить и неизвестно, чем бы это все кончилось, много мужиков ко мне приставало, если бы случайно не познакомилась с Угрюмым. Также вот как тебе рассказала ему все про себя, и он взял меня к себе. Стали пить с ним вместе. Вот и вся моя история.

Вика зажала голову руками и протяжно вздохнула:

– Если бы мне не было жалко Угрюмого, я бы давно покончила с собой. Без меня он совсем пропадет.

Она посмотрела на Сашу помутневшим взглядом, потом уронила голову на руки и замолчала, оставаясь неподвижной.

«Да, так легче жить, – подумал Саша. – Напился, отключился, и нет проблем. Но неужели его именно для такой жизни, вытащили в больнице с того света? Неужели он мог стать совсем безвольным человеком, рабом разного рода обстоятельств?».

От нелицеприятной разборки с самим собой у него на душе стало еще мрачнее, чем от рассказа Вики. Собственно, чем он может ей помочь? Ни чем. Он даже не знает, какой совет ей лучше дать. Глупая девица поддалась соблазну через многообещающее знакомство получить роль в кино и в итоге совершила преступление. На его взгляд, если она не хочет закончить свою жизнь в пьяном угаре, ей нужно пойти с повинной в милицию. А что делать ему? Пока найти жену, а дальше видно будет. Самый простой вариант был позвонить ей на мобильный телефон, но тот не отвечает. Ничего, найдет через другие варианты.

«А Вика, по-моему, что—то не договаривает, – неожиданно подумалось ему. – Не так она проста, какой старается казаться».

Прилагая невероятные усилия и преодолевая боль, Саша вначале сел, затем встал и, пошатываясь из стороны в сторону, направился к двери, но не дошел и в упадке сил присел к столу, рядом с Викой.

– Ты куда собрался? – недоумевающе спросила она, очнувшись от забытья.

– Я хочу уйти.

– Куда ты пойдешь? Посмотри на себя! Тебя же мент заберет. Ты сначала отлежись, приобрети нормальный вид, а потом уходи. Но лучше дождись Угрюмого. Он же тебя как друга принял.

– Это куда он уходить собрался? – раздался громкий голос Угрюмого. Они не слышали, как он вошел в квартиру.

– Бухаете тут без меня? – окинул он их вопросительным взглядом. – А я еще принес. Сегодня заработали неплохо.

Угрюмый вынул из одного пакета две бутылки водки, а другой отдал Вике.

– Иди, приготовь пожарить.

– Может, вы сначала вчерашний суп доедите? – предложила Вика.

– Делай, что я тебе сказал, – повысил он голос и обратился к Саше. – Ты уйти собрался? Я тебе не советую. Из нашей тюрьмы вчера зэк сбежал. Сегодня нам один мент фотографию его показывал. На тебя похож. Короче, лучше тебе отсидеться, пока зэка не поймали. Это не первый случай. Обычно через неделю их привозят обратно. Так что пока сиди и не рыпайся. Если не хочешь в тюрьгу залететь.

– Я забыла сказать тебе одну новость, – вернулась Вика и подошла к Угрюмому. – Наш кот улегся у него под боком, как у тебя. Обычно никому в руки не дается, а тут сам к нему пошел. У меня даже челюсть отпала, когда я увидела.

– Ну, и хорошо, – скупо улыбнулся хозяин. – Мой кот, как рентген – насквозь любого человека видит. Мне иногда кажется, что он все понимает, только говорить не может.

«Да-а, вот это я влип в историю, – задумался Саша. – Конечно, он прав. Уходить от них мне сейчас нельзя. Но сколь это может продолжаться? Хорошо, если неделю, а если больше? Больше я отсиживаться не стану. Сам тогда пойду в милицию. Пусть разбираются со мной».

– Очнись! – по-дружески толкнул его в плечо Угрюмый.

– Отвлекись от своих мыслей. На вот, лучше газету почитай. Наши губернские новости. А я пойду, ополоснусь.

От Угрюмого несло резким запахом спиртного перегара, но Саша обратил внимание – глаза его остались трезвыми и грустными. И как-то странно выглядели на преображенном алкоголем лице с широкой добродушной улыбкой.

Оставшись в комнате один, Саша развернул газету и стал бегло рассматривать колонки новостей. Вдруг газета чуть не выпала из его рук. В маленькой заметке, буквально в несколько строк, коротко сообщалось о том, что у известной в Имбирске фирмы «Компьютерсервис» сменился хозяин. Ее прежний владелец продал свой бизнес и уехал за границу.

«Вон оно что! – пораженно воскликнул он. – А я то, идиот несчастный, все понять не мог, как такое могло случиться. Как жена могла кого-то другого принять за меня. Оказывается все очень просто. Гениально! Ну, и мерзавцы! Они, наверное, давно сговорились за моей спиной. А как подвернулся случай, так им и воспользовались. Без согласия Ирины Влад бы ничего не сделал. Она безо всяких угрызений совести признала чужого мужика за меня и вместе с Владом организовала быстрые похороны. Пока я для них находился неизвестно где и неизвестно на сколько времени. Наверное, очень торопились. Значит, они поделили деньги от продажи фирмы и разбежались кто куда, боясь, что я могу вскоре объявиться. Вот почему новый замок у квартиры. Она ее продала, а я еще сомневался. Теперь мне нет смысла искать ее в Кузьминске. Она перевезла отца на новую квартиру, в более лучшие условия, а сама смоталась. Понимала стерва, что в случае чего я могу ее запросто найти в Кузьминске. В Имбирске ее тоже искать бесполезно. Она сейчас гуляет по Москве. Ну, ладно, от нее всего можно было ожидать. Но Влад то. Влад! Самый близкий друг и оказался способен на такую подлость. Из-за денег продал душу дьяволу. Кому же можно верить после этого?»

– Саша! Что с тобой? – испуганно спросила Вика, войдя в комнату. – Ты весь побледнел. Тебе плохо, да?

«Да, плохо», – не разжимая губ, кивком головы ответил Саша, безумно глядя в пустое пространство.

– Интеллигенты – народ слабый, – насмешливо сказал подошедший Угрюмый. – Не то, что мы – рабочий класс.

Саша с силой сжал пальцы рук, глубоко вздохнул и обратился к нему:

– Если ты не возражаешь, я останусь у вас.

Угрюмый несколько не удивился, лишь пожал плечами:

– Живи. Места хватит. Втроем веселее будет.

И внезапно добавил, внимательно приглядевшись к Саше:

– Знаешь, брат! Мне иногда тоже жить не хочется, а надо. Надо жить, тетка! Все мы ходим под Богом и только ему одному решать, когда и кому уйти в мир иной.

Привыкший долгое время во всем чувствовать себя на высоте, Саша вдруг понял, что сложившиеся вокруг него обстоятельства неподвластны его влиянию. Он как будто разом потерял свою жизненную силу, и ему вдруг стало совершенно безразлично, что с ним будет дальше. Проще говоря, у него опустились руки, и с этого момента он в состоянии депрессии поплыл по течению, полностью доверив свою жизнь судьбе. Однако, как обычно бывает в таких ситуациях, Саша не ожесточился, не пустил в свое сердце злость и жажду мести. И может именно это, как ни странно, помогло ему в дальнейшем выжить и остаться Человеком.

Глава 7

Шло время. Прежде веселый и общительный, Саша стал молчаливым и задумчивым. Внешний вид его тоже изменился. Он перестал бриться и зарос густой черной бородой, похожей на цыганскую. На висках появилась седина. словно кто-то брызнул по ним серебристой краской. В глазах застыла безысходность. Он опустился на дно жизни, откуда нет возврата. Глядя на него со стороны: бородатого, в старом ватнике с чужого плеча, поношенных штанов, истоптанных ботинках, никто бы не узнал в этом неопрятном бедолаге, Александра Пухова. Когда-то он был преуспевающим бизнесменом, директором известной фирмы. Впрочем, Саша сейчас безразлично относился к прежней благополучной жизни. Он был целиком и полностью погружен в настоящую с ее вечной проблемой – как раздобыть денег, чтобы напиться и забыться. Отвлечь себя от мучительных мыслей, приводящих порой к отчаянию. Иногда он просто поражался, как его организм выдерживает такое жестокое алкогольное насилие.

Между тем наступила глубокая осень. Небо стало пепельно—серым с редкими просветами. Опала разноцветная листва. Большинство птиц улетало на зимовку в теплые края. По ночам лужи начали покрываться тонкой коркой льда. С наступлением осенних холодов поиски работы все чаще и чаще оказывались безрезультатными. Малые стройки остановились, на большие их не брали, потому что алкаши. Хозяева многочисленных «фазенд» разбросанных вокруг всего города, у которых, раньше можно было найти кой какую работенку, закрыли свои владения на замки. Ситуация возникла аховая. Угрюмого уже ни раз предупреждали о выселении из квартиры, если он не погасит старые долги. Проблема – где взять деньги, встала перед ними вопросом жизни. Саша ни раз видел, как знакомые бомжи начали копать в мусорных контейнерах, выскивая пустые бутылки и остатки неиспорченной еды. При этом они жестоко вплоть до крови боролись между собой за лучшие куски. Процветал закон джунглей – кто сильнее, тот и выживет. Однако, как бы низко Саша не пал в собственных глазах, все-таки представить себя копошащимся в мусорном ящике он не мог. Видимо, то же самое думал и Угрюмый, с презрением смотря на крысиную возню бомжей у мусорки...

– Короче надо что-то делать, Саша. Иначе нам хана. Зимы не протянем, если останемся без жилья, – задумчиво проговорил Угрюмый, почесывая заросшую щетиной впалую, морщинистую щеку. – Ты посмотри на этих говнюков у мусорки. В них не осталось ничего человеческого.

– А в нас? – усмехнулся Саша.

– В нас? – скептически переспросил Угрюмый и с уверенностью ответил: – В нас еще что-то есть. По крайней мере, люди от нас еще не шарахаются. Короче так, – глубоко вздохнул он. – Есть у меня одна знакомая. Детским садиком заведует. Когда-то была подругой моей жены. Придется идти к ней за помощью. Хотя это для меня крайний вариант, но другого выхода нет, – отвернулся в сторону Угрюмый, сутуля спину. Чувствовал, что у него от этой идеи «кошки скребут» на душе.

– Слушай! – торопливо произнес Саша, расстегивая рубаху и показывая на груди золотой крестик.

– Давай продадим, а?

– Спрячь, – жестко бросил Угрюмый. – Крест продать, значит душу продать. Люди за него смерть принимали. В Афгане одному парню сказали: «Выбросишь его, оставим в живых». Он не выбросил. Короче, потопали в детский сад.

– Ты в Афгане воевал? – спросил Саша, глядя с уважением на сурового, с атлетической фигурой напарника. Иногда он ему по внешнему виду напоминал чеченских наемников, которых Саша выслеживал в Чечне. Но за внешней грубой оболочкой его тетки, скрывалась добрая ранимая душа.

– Да, – односложно ответил тот.

– А я в Чечне.

– На тебя что-то не похоже, – хмыкнул Угрюмый и ускорил шаг. Саша промолчал. Он вспомнил, как его знакомый лейтенант, командир взвода Витя Снегирев, спился после госпиталя из-за того, что он один из всего взвода, после боя остался в живых.

– Слушай, а что у тебя с женой произошло? Она ушла от тебя из-за пьянки? – после короткого молчания поинтересовался Саша. Почему-то Угрюмый даже в нетрезвом состоянии уходил от ответов на вопросы о жене. Саша понять не мог, какая в этом может быть тайна?

– Как-нибудь скажу, только не сейчас, – недовольно отозвался напарник, давая понять, что не расположен к разговору. Он шел впереди, размашисто передвигая длинные ноги и покачивая в такт ходьбе мощными кулаками. Саша еле успевал за ним. Один раздолбанный ботинок больно натер ногу. Свои хорошие ботинки, также как и подаренный Галиной Ивановной костюм он уже «загнал по случаю», и этим как бы подвел под прошлой жизнью последнюю жирную черту.

Когда они вошли в двухэтажное здание детского сада, то толстая старая техничка, моющая пол при входе, со злостью проворчала:

– Ходят тут, алкаши проклятые! Грязь таскают. Нет здесь для вас ничего.

Сашу передернуло от неожиданности, выражение «алкаши проклятые» хлестнуло по нему, как удар кнута. «А что ты, собственно, хотел? Чтобы тебе улыбались? Что есть, то есть. Еще не то услышишь». Он бросил быстрый взгляд на Угрюмого, ожидая его реакции на слова технички. Однако, тот словно ничего не слыша, спокойно обошел ее и направился в конец коридора. Саша последовал за ним. «Да, его выдержке можно только позавидовать», – подумал он.

– Постой здесь, я один зайду, – сказал Угрюмый, остановясь у двери кабинета с табличкой «Заведующая».

Он стянул с головы трикотажную черную шапку, пригладил лохматые волосы и, глубоко вздохнув, решительно толкнул дверь. Словно боясь передумать в последний момент. Саша с недоумением проводил его взглядом, заметив на его лице необычное волнение. Потом в томительном ожидании стал глядеть в окно на голые беззащитные березки во дворе. «Почему колесо моей фортуны повернулось в другую сторону? За что судьба так несправедливо обошлась со мной?» – начали одолевать его тяжкие мысли. От самокопания в потемках души Сашу отвлек близкий оживленный разговор.

Мимо него проходила старая техничка, ведя под руку невысокую, статную белокурую девушку с ярким деревенским румянцем на нежных щеках. На курносом задорном носике девушки красовались темные очки. Во всем ее облике было нечто трогательно-беспомощное, поневоле притягивающее к себе взгляд. Саша не сразу догадался, что она слепа. «Надо же! Такая славная, милая девушка и слепая», – с острой жалостью подумалось ему. Он безотчетно хотел пойти за ними и послушать о чем они говорят, но тут из кабинета вышел бледный Угрюмый. При одном взгляде на его лицо стало ясно, что лучше не задавать никаких вопросов. Саша внезапно почувствовал, что этот человек стал ему дорог как родной брат. И если бы сейчас сказали, что для того, чтобы спасти жизнь твоего товарища нужно перелить ему всю твою кровь, он бы без колебаний согласился. Берите! Не потому, что не видел смысла своей дальнейшей жизни, а именно из-за братской любви к нему.

– Пошли, – глухо произнес Угрюмый.

От детского сада они опять шли молча, думая каждый о своем. Саше вспомнился Влад: «Как нестерпимо стыдно и больно, когда твой самый лучший, самый близкий друг оказывается подлецом, который как иуда продает тебя ради денег, но ты тоже в этом виноват, – упрекнул себя Саша. – Не сумел вовремя разобраться в близких людях. Был, слеп как крот. А почему? Да потому что тебе всегда казалось, что жизнь твоя и дальше покатится как сыр по маслу. Тебе

все доставалось без особого напряжения. Как ты восторгался – вокруг меня одни хорошие люди! Они меня все любят! А на самом деле оказалось вовсе не любовь, а черная зависть окружала тебя. Стремление нажиться за твой счет. И те, кому ты больше всех верил, кинули тебя, как последнего лоха. Да, – подумал Саша. – Если бы я не встретил бы Галину Ивановну, Угрюмого, то точно разуверился бы во всех людях».

При мысли о Галине Ивановне ему сделалось не по себе: «Что она сейчас думает о нем? Как он посмел забыть о ней. Нужно сочинить какую-нибудь легенду, купить конфет и послать ей письмо. Чтобы она не переживала», – решил он.

С потемневшего неба начали сыпаться мелкие капли дождя. Поднялся сильный ветер. И погнал по асфальту остатки сухих листьев. Они поднимались кверху, кружились в воздухе и плавно опускались вниз. Один из таких листочков попал Саше на грудь. Он взял его и начал рассматривать на ходу.

– Давай присядем, – предложил Угрюмый, жестом указывая на деревянную скамейку во дворе какой-то пятиэтажки.

Саша с радостью согласился. Нога разболелась еще больше.

– Почему ты начал хромать? – задал вопрос Угрюмый.

– Мозоль натер, – нехотя ответил Саша.

Угрюмый насмешливо посмотрел сначала на его ботинки, потом на него самого, но ничего не сказал. Он поставил локти на колени и задумчиво опустил голову вниз.

– Ты хотел узнать про мою жену...

– Хочешь, рассказывай, хочешь, нет, – пожал плечами Саша.

– Я понимаю, что тебе неприятно говорить о ней.

– Ничего ты не понимаешь, – с такой тоской произнес Угрюмый, устремив свой взгляд в даль, что у Саши, словно мороз по коже прошелся.

– Были у меня и жена, и дочь. Я любил их больше жизни. Готов был постоянно носить на руках. Ведь счастливей меня никого на свете не было.

Я же – детдомовский. А дочка моя такая нежненькая была, пушистая, как цыпленочек...

Угрюмый выпрямился и стал водить ладонью по коленям.

– Но мое счастье оборвалось в один момент, – он глубоко вздохнул, на несколько секунд задержал дыхание, затем с шумом выдохнул. – Короче, гостили они летом у бабушки в деревне. А мне отпуск в то время не дали, я к ним на выходные приезжал. Короче, пошли они после обеда в лес. Шли по обочине дороги. И один пьяный мерзавец на своей «девятке» сшиб их. Сразу насмерть. Обоих. Он свою девку хотел покатать. Я приехал в тот же вечер. Если бы поймал его, придушил на месте. Но он, сволочонок, успел сбежать. Машину свою бросил. Потом от его родителей ко мне адвокат приходил, большие деньги предлагал, но я с ходу предупредил: «Лучше ему сидеть, иначе в живых он не останется». Помню, адвокат посмотрел на меня и сразу смотался. Ну, все понял?

Саша подавленно кивнул головой.

– Ладно, пошли, – поднялся Угрюмый. – Теперь ничего не поделаешь. Их никто мне не вернет и не заменит.

Саша шел, глядя себе под ноги, чтобы ненароком не залететь в лужу дырявыми ботинками. Как вдруг, словно кто-то толкнул его в грудь. Он удивленно вскинул голову и увидел прямо на него идущую Ирину. Если не считать того, что ее фигура немножко пополнела, то она выглядела по-прежнему эффектно. Забыв обо всем, он в порыве радостного чувства хотел броситься к Ирине, но наткнулся на ее равнодушный абсолютно ничего не выражающий взгляд. К его ногам словно привязали неподъемный груз. Он остановился и лишь нетерпеливо ждал: «Узнает или нет?».

Однако Ирина прошла мимо, гордо вскинув голову. Какой-то бомж посмел уставиться на нее, как на свою знакомую. От обиды у Саши потемнело в глазах. Возникло дикое желание – догнать эту стерву и ударить ее. Он рванулся за ней, но Угрюмый успел схватить его за руку.

– Ты, что ошалел? Красивой бабы ни разу не видел?

– Это моя жена, – сквозь зубы процедил Саша, продолжая трястись, словно в лихорадке.

– Да ну! – в изумлении воскликнул Угрюмый и посмотрел в ту сторону, где скрылась Ирина. – Красивая стерва! Она не узнала тебя?

– Не знаю, – немного успокаиваясь, ответил Саша. – Может, сделала вид, что не узнала. Я хотел догнать и дать по морде.

– Брось, – еще крепче сжал его руку Угрюмый. – Может, она действительно не узнала тебя в таком виде. Ты ее не спугни раньше времени. Сначала надо выследить, где она живет. Раз она приехала сюда, то мы с ней еще встретимся.

«Вполне возможно, что она еще ничего не знает обо мне. Что я жив, – подумал Саша. – Ну, что же, Угрюмый прав, спешить не нужно. . . . Она вполне может сейчас заявить в милицию, что какой-то самозванец выдает себя за ее умершего мужа и вымогает с нее деньги. Меня упрячут за решетку. А она, пока со мной будут разбираться, а это, „ежу понятно“, займет очень много времени, спокойно смоемся куда-нибудь и ее потом не найдешь».

– Очнись! – толкнул его Угрюмый. А то чуть на столб не налетел.

– Слушай, а чем у тебя закончился разговор с заведующей? И кто она тебе на самом деле, если не секрет? – после недолгого молчания спросил Саша.

– Я тебе говорил, подруга жены. Они обе деревенские. Росли и учились вместе. Инна одинокая и любила возиться с нашей дочкой. Я после похорон всячески избегал встречи с ней. Чтобы не травить душу. А потом. . . . Короче, ты бы видел, какими глазами она смотрела на меня сегодня. Я тысячу раз пожалел, что пришел. Представляешь, с ходу предложила мне лечиться от алкоголизма у ее знакомого врача.

– А ты что? – с интересом посмотрел на него Саша.

– Что я? Зачем мне это надо. Если я брошу пить, то сойду с ума. Я лицо жены каждый день во сне вижу. Как живое. Иногда пытаюсь заговорить с ней, но она молчит и только улыбается. Я знаю, она меня к себе зовет.

– Ты бы в церковь ходил. Тебе бы там как-то помогли. А то так и будешь мучаться всю оставшуюся жизнь.

– Никто мне не поможет. Это, во-первых. Время над моими чувствами не властно, во-вторых. А в-третьих, что значит – всю оставшуюся жизнь? Кто знает, сколько времени мне жить осталось? – усмехнулся Угрюмый и добавил, как отрубил: – Все. Закончим разговор на эту тему. Завтра я, короче, иду к Инне оформляться на работу сторожем и дворником. Когда я не смогу – ты будешь ходить вместо меня. Об этом договорено. Я за тебя поручился. Нет возражений?

– Какие могут быть возражения? Хотя бы за квартиру расплатимся. Я готов хоть каждый день туда ходить, – сказал Саша, почему-то вспоминая о слепой девушке.

– Ну, и отлично, – скупой улыбнулся Угрюмый. К концу дня настроение у него заметно улучшилось. Проходя мимо газетного киоска, Саша порылся в карманах и, насобирав мелочи, купил почтовый конверт. На вопросительный взгляд напарника ответил:

– Хочу одной доброй женщине, медсестре, в больницу письмо послать. Она столько сделала для меня.

Неожиданно Угрюмый возбужденно заговорил:

– Сашка! Ты же умный порядочный человек. Зачем тебе гнить на дне вместе с нами? Ты хотел уйти – вот и уходи. Пробивайся наверх!

– Куда мне уходить? Кому я нужен? Ты забыл, что я без документов. Покойник. Господин Никто. Меня же на работу нигде не возьмут. Сесть на шею этой бедной женщине, которой я хочу написать письмо? Нет уж. Лучше я у вас останусь.

– Как хочешь, – пожал плечами Угрюмый. – Мне просто жаль тебя. Ты хороший малый....

– А мне, как никогда, выпить хочется, – мечтательно произнес Саша. – Только не на что....

– Есть на что, – живо откликнулся напарник. Ему тоже после всех событий сегодняшнего дня и всплеска горьких воспоминаний хотелось принять спасительную дозу спиртного.

– Мне Инна немного денег дала. Как аванс за будущую работу. Иначе бы я не взял. Так что пару пузырей можем взять.

– Отлично! – обрадовался Саша. – Правильно Вика говорит – с тобой не пропадешь.

Он уже свикался с мыслью, что ему никогда не хватит силы духа переломить ход событий и, что он обречен остаться на дне жизни, откуда нет возврата. Судьба отвернулась от него навсегда.

Глава 8

Несмотря на слепоту, Женя не боялась далеко уходить от дома. Она часами могла ходить по берегу реки, чутко прислушиваясь к голосам природы и с удовольствием вдыхая ни с чем не сравнимые запахи водного простора. И всегда рядом с ней чинно бежал верный пес Рыжик, беспородная дворовая собака с обвислыми ушами и доброй мордой, но готовая самоотверженно защищать свою хозяйку до последнего вздоха. Однако сегодня Женя гуляла недолго. Скучно. Поздняя осень – исчезло разнообразие звуков и запахов. Тем более начинался дождь. Первые его капли уже упали на лицо. Усилился сырой холодный ветер.

– Рыжик! Ко мне! – приказала Женя и, нащупав шею собаки, пристегнула к ошейнику короткий поводок. Умный пес все понял и послушно повел хозяйку к своему поселку, стоящему на высоком берегу Волги.

Входя в дом, Женя с радостью услышала громкий голос тети Зины, шумной и неунывающей, их маленький дом оживал как природа с приходом весны. Невозможно было поверить, что эта женщина серьезно больна. Именно благодаря тете Зине Женя научилась стойко переносить свою слепоту.

– Пришла милая? Вот и хорошо, – ласково сказала бабушка. – А к тебе Николай тут приходил. Сказал, что еще зайдет.

Женя села рядом с бабушкой и, тесно прижавшись к ней, положила голову на ее плечо. Она очень любила свою бабушку – добрую, ласковую и мудрую. Самую, самую лучшую бабушку на свете. А уж как бабушка любила свою внучку, трудно выразить словами.

– Поглядите-ка на нее: выросла давно, а все как цыпленок, – засмеялась тетя Зина. – Чуть что, так под бабушкино крыло. Пора тебе Женечка и о взрослой жизни подумать. Смотри, какой хороший молодой человек к тебе приходит. Серьезный, самостоятельный. Небось, жениться хочет на тебе. Так выходи за него. Кто еще тебя возьмет. Думаешь, принц, какой объявится?

– А если она его не любит? – возразила бабушка. – Лучше одной остаться, чем всю жизнь с нелюбимым мужем маяться.

– Ну, и ну, – насмешливо произнесла тетя Зина. – Ты о чем говоришь то, старая? Одной ногой в могиле, а туда же – про любовь разговор завела. А про то не подумала, что будет с внучкой, если с тобой, не дай бог, что случится? Я тоже, вон, еле двигаюсь. Ничего, стерпится – слюбится.

– Да, я ничего, – начала оправдываться бабушка. – Разве я что плохого сказала. Пусть сама решает.

– А тут и решать нечего, – категорично заявила тетя Зина. – Радоваться нужно, что такой подходящий человек нашелся. Ты что молчишь-то? – обратилась она к Жене.

– Я радуюсь, – улыбнулась Женя.

– А ну вас! – рассердилась тетя Зина. – Собрались с бабкой – два сапога пара. Обе непутевые. Вот была бы жива твоя мать, она бы тебе то же самое сказала, что и я. Царство ей небесное!

– Ну, что ты сегодня, как с цепи сорвалась. Пристала к ребенку, точно репей, куда ей торопиться? Я помирать не собираюсь, а она еще молоденькая, – погладила бабушка внучку по голове.

– Ничего себе – ребенок! Девке под тридцать скоро, а она у тебя все маленькая.

– Знаете, как говорят, сначала генерала ждешь, а потом простого солдата не найдешь. Раз вы обе такие шибко умные, то делайте, что хотите. Я ведь только добра желаю..., – сказала тетя Зина.

– Ой, бабушка! – воскликнула Женя, желая прервать этот разговор. – Я так проголодалась.

После обеда бабушка и тетя ушли в другую комнату, а Женя села за фортепиано. В задумчивости откинула его крышку и пробежалась тонкими пальцами по упругим клавишам. Пространство комнаты наполнилось живыми звуками. В соседней комнате обе женщины прислушались к доносившейся до них музыке и вздохнули. Окрашенная грустью мелодия донесла до них эмоциональные переживания девушки. А перед мысленным взором Жени одна за другой вначале возникали картинки далекого детства, потом, словно на белом холсте, появилось лицо мамы с лучистыми глазами и ласковой улыбкой. Девушка была готова расплакаться. Она пыталась удержать подступающие к глазам слезы, но не смогла. Они крупными, горячими каплями покатались по щекам. Чтобы успокоить себя, Женя сменила медленную и лиричную мелодию Чайковского, на яркую и живую Моцарта. Теперь перед ее закрытыми глазами возникла картина бала. Красивые дамы в бальных платьях и элегантные кавалеры в строгих фраках. И постепенно девушка успокоилась. Такова волшебная сила музыки. Музыка способна выразить все человеческие чувства, вызвать любые ассоциации и создать любое настроение. Неожиданно чьи-то легкие руки легли Жене на плечи. Девушка прекратила играть и замерла в радостном ожидании, пытаясь угадать, какая из подруг пришла к ней.

– Женька! Ты безумно талантлива. Так играешь классно! – услышала она голос своей лучшей подруги Наташи. Девушки крепко обнялись, как обнимаются близкие люди после долгой разлуки.

– Расскажи, как ты съездила в Москву? Что там видела? Где успела побывать? – с нетерпением забросала вопросами подругу Женя. – Я так мечтала поехать в Москву....

– Ой, знаешь, как от нее устаешь? Везде полно народа. Ужас! Люди какие-то хмурые, неприветливые. Мы походили по Красной площади, потом поехали в Третьяковскую галерею, а вечером удалось взять билеты в театр оперы, на «Летучую мышь». Но самое главное, на другой день мне посчастливилось попасть на концерт симфонического оркестра в концертном зале имени Чайковского. Вместе с оркестром выступал один американский пианист. Ты знаешь, в его исполнении концерт для фортепиано с оркестром до минор моего любимого Рахманинова – это просто чудо! Непередаваемо!

– Мне тоже нравится музыка Рахманинова. Она очень поэтична, – с улыбкой сказала Женя.

– Жаль, конечно, что тебя со мною рядом не было, – вздохнула Наташа. – Но ничего, у нас еще вся жизнь впереди.

В отличие от Жени, Наташа была очень деловита и решительна. Умела хорошо пользоваться своим обаянием и мечтала об обеспеченной, полной удобств жизни. Она прекрасно понимала, чего она хочет. Потенциальных претендентов на ее руку и сердце находилось много, Наташа могла с успехом вскружить голову любому, однако пока еще на ее горизонте не появился тот, который мог бы удовлетворять всем ее запросам.

Иногда, слушая подругу и внимая в ее сокровенные мысли, Женя думала о себе: «Я, наверное, должна была родиться в прошлом веке. Как Тургеневская девушка».

– А твой Игорь тоже был с тобой на этом концерте? – с любопытством спросила Женя, зная, что Наташа ездила в Москву не одна, а с молодым мужчиной, которого приводила к ней познакомиться.

– Ну, что ты, – засмеялась Наташа. – Он побоялся, что уснет и захрапит. Кстати, он таким жадиной оказался, я даже представить себе не могла. Зато, знаешь, я познакомилась на том концерте с одним москвичом. Представляешь, молодой, а уже имеет собственную квартиру и шикарную машину. Между прочим, у него в Кузьминске оказались родственники. Мы договорились с ним скоро увидеться. Женька! По-моему, это судьба!

– А как же Игорь? Ты то же самое говорила о нем.

– Женька, какая ты наивная! Каждому человеку свойственно ошибаться и потом, я Игорю ничего конкретного не обещала. Вот, например, к тебе ходит Николай, но это же не означает, что ты должна выйти замуж за него.

– Николай – это совсем другое дело, – возразила Женя.

– Он приходит ко мне, просто как хороший добрый друг, а ты с Игорем уже год живешь гражданским браком. Сама говорила, что любишь его.

– Милая моя подружка, – обняла Женю Наташа. – Ты живешь в своем каком-то нафантазированном мире, далеко от реальности. Витаешь где-то в облаках. Да, я любила Игоря, а потом разлюбила. Такое тоже бывает. Мне стало скучно с ним. Потом он оказался очень жадным, а мне нравятся щедрые мужчины. Представляешь, я увидела у него в Москве кучу денег, а когда попросила мне купить понравившуюся шляпку, он сказал, что две тысячи баксов за нее это очень дорого.

– Мне кажется, если я кого сумею полюбить, то это будет на всю жизнь, – задумчиво сказала Женя и по грустнела. Ей ли, слепой девушке мечтать о любви.

– Конечно, полюбишь! – воскликнула Наташа, скрывая внезапно возникшую острую жалость к подруге.

Девушки еще долго разговаривали то, переходя на шепот, то громко смеясь. Незаметно приблизился вечер. В комнату к девушкам вошла тетя Зоя, чтобы попрощаться с Женей перед уходом.

– До свидания, красавица! – весело произнесла она. – Будешь замуж выходить – не забудь на свадьбу пригласить.

– Ой! – Спихватилась Наташа. – Мне тоже пора идти.

Они ушли, и Женя осталась одна. Бабушка вышла проводить гостей до калитки. Девушка прилегла на мягкий диван, подложив под щеку мягкую ладошку. Заточенная в клетку непроницаемого мрака, она была лишена возможности видеть мир. Все его многообразие форм и красок. Зрячий человек не поймет и не испытает то, что чувствует и испытывает слепой. Как тяжело переносить одно то, когда к тебе постоянно относятся с жалостью, как к убогому человеку. В отличие от зрячего, слепой, чтобы адекватно реагировать на окружающую обстановку вынужден обостренно вслушиваться в каждый звук, в каждый его оттенок. А главное, слепые люди часто лишены возможности живого общения, возможности быть с людьми. Все это давит на психику, приводит к тяжелой депрессии.

Только стойкий жизнерадостный характер, доставшийся Жене по наследству от мамы, ее любовь к музыке, не позволяли девушке упасть духом и спасали часто от угнетающего состояния. В спокойных раздумьях о своей дальнейшей жизни о том, что будет дальше жить как жила, девушка незаметно уснула. И ей приснился удивительный сон. Который снился ей уже не раз, после того как она прочитала месяц назад повесть Александра Грина «Алые паруса». Дело в том, что Женя научилась читать на ощупь по азбуке для слепых, и с тех пор чтение книг сделалось для нее неотъемлемой потребностью. Девушке снилось, будто не Ассоль, а она стояла на берегу моря, любовалась живописными картинами природы и явственно слышала плеск морских волн. Неожиданно появился большой корабль с альми парусами, от него вскоре отделилась лодка и направилась прямо к ней. Стоящий в лодке молодой красивый капитан сложил ладони у рта и громко закричал: «Же-ня! Же-ня...». Девушка иногда просыпалась от услышанного во сне крика, и взволнованная увиденным сном долго-долго не могла заснуть.

– Женя! Проснись, – услышала она, словно из далека, ласковый голос бабушки. – К тебе Николай пришел. Вставай, а то, что будешь делать ночью.

Девушка села, оправив светлые волосы, спадающие пышной волной на плечи и, грустно вздохнув, сказала:

– Пусть войдет.

– Здравствуй! – услышала она приятный слегка заикающийся голос Николая, с которым была знакома с раннего детства. Николай был старше ее на несколько лет и до армии не обращал на нее никакого внимания. Она тоже. Но, как только он демобилизовался и приехал домой, так сразу начал ходить за Женей по пятам. Женя в то время еще не ослепла и училась на последнем курсе музыкального училища, была слишком занята своими делами. Ей, конечно, льстило, что в нее влюбился такой мужественный серьезный парень, на которого заглядывались многие поселковые девчонки, но не больше.... Кто знает, может быть, она и не устояла бы, в конце концов, перед его настойчивыми ухаживаниями, однако тут случилась страшная беда. Горячо любимая мама, никогда не жаловавшаяся на боли в сердце, внезапно скончалась от сердечного приступа. Ее даже с работы до больницы не довезли живой. Глубоко потрясенная смертью мамы, Женя долго не могла прийти в себя и ослепла от горя, потом замкнулась в себе. Как ей казалось навсегда.

– Тебе не следует одной далеко уходить от дома, – строго сказал Николай. – Тем более ходить по пустынным местам, сейчас полно всяких отморожков.

– А я не одна хожу. С верным Рыжиком. Он никому не даст меня в обиду, – возразила Женя, удивленная тоном его голоса.

– Твой Рыжик – обыкновенная дворняга. В один прекрасный момент подожмет от страха хвост и убежит. Что ты будешь делать? Кричать? Тебя никто не услышит.

– Напрасно ты так думаешь о моей собаке. Мой Рыжик скорее погибнет, чем оставит меня одну при чужих людях, – обиделась Женя за своего четвероногого верного друга.

– Хорошо. Не буду с тобой спорить. Ты пойми, что я очень беспокоюсь за тебя. Одно дело ходить по городу среди людей и другое бродить по берегу, где нет никого.

– Ты пришел мне наставления читать? Учить, как себя вести?

– Не пойму, что с тобой случилось, – вздохнул Николай. – Ты стала какая-то другая. Не знаю, как объяснить словами. И почему ты начала избегать встреч со мной.

– С чего ты взял? – удивленно засмеялась Женя. – Я к тебе как относилась раньше, так и теперь отношусь, как к своему хорошему другу.

Николай внимательно посмотрел на Женю и поневоле залюбовался ею. В свои двадцать с лишним лет, она выглядела значительно моложе. Овал лица у нее был почти детский, а само лицо – чистым с нежным румянцем и ямочками на щеках. Алые губы чуть приоткрылись, показывая белые зубы. «Ей никакая косметика не нужна», – подумал Николай, стараясь успокоить учащенно бьющееся сердце.

– Женя, а что дальше? – тихо спросил он, неотрывно глядя на нее.

– Я тебя не понимаю, – с недоумением ответила Женя, чувствуя на себе его пристальный взгляд.

– Ты отлично понимаешь, о чем я спрашиваю, – он встал и заходил по комнате из угла в угол. – Вот уже несколько лет я все жду, жду. Я, конечно, могу еще подождать, но не вижу в этом смысла.

– Как я понимаю – ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж? – повернула лицо Женя в сторону его голоса.

– Да. Предлагаю стать моей женой. Сыграем свадьбу как положено. Я считаю, что ты об этом не пожалеешь. Я прилично зарабатываю и вполне могу обеспечить свою будущую семью. Ты никогда ни в чем не будешь знать нужды. То, что ты.... То, что у тебя потеряно зрение, меня несколько не смущает. Я многое умею делать сам. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, – дрогнул у Николая голос.

Женя грустно усмехнулась про себя. Нет, она не ожидала от Николая бурного объяснения в любви, но он ни разу не произнес этого самого важного слова. Она, на какое то мгновение, представила себе совместную жизнь с ним и зябко поежилась: «Неужели он не понимает, что

мы совершенно разные люди. Что у нас нет никаких общих интересов. И не понимает того, что она не любит его. Или так же, как тетя Зина считает, что стерпится-слюбится?».

– Я не выйду не за тебя, ни за кого другого замуж. Надеюсь тебе не надо объяснять почему, – спокойно сказала Женя. – Это мое обдуманное и твердое решение.

– Так..., – глухо, с обидой выговорил Николай. – Значит, у меня нет никакой надежды?

– Нет, – покачала головой Женя, чувствуя себя виноватой в том, что причиняет ему незаслуженную горькую обиду. Она понимала, что своим отрицательным ответом навсегда обрывает установившуюся между ними незримую дружескую связь. – Я в чем-то виновата перед тобой? – печально спросила Женя.

– Нет, – ровным голосом ответил он. – В чем я могу тебя обвинить? Ты же мне не давала никаких обещаний. Это я, дурак, все на что-то надеялся.

– Коля! Ты найдешь себе прекрасную девушку, которая полюбит тебя и ты будешь с нею счастлив, а я... Я же слепая. Я никогда не позволю себе стать кому-нибудь обузой в жизни, – на глазах у Жени неожиданно выступили слезы, а голос предательски задрожал.

– Ты что? Успокойся. Все нормально, – неестественным бодрым тоном сказал Николай. – Будем считать, что этого разговора не было. Останемся как раньше хорошими друзьями. Ты не возражаешь?

– Нет, конечно, – сквозь слезы улыбнулась Женя, благодарная ему за эти теплые слова.

А в соседней комнате, стоя на коленях перед образом Богородицы молилась бабушка Жени:

– Пресвятая Богородица, мать Божья, – горячо шептала она. – Возьми мою несчастную внучку под свое покровительство, дай ей хоть немного счастья....

Глава 9

Не успели распрощаться с осенью, как нагрянула зима. В конце ноября она уже одела в ледяной панцирь реку, мягким ковром снега накрыла землю. Морозным утром, в сумеречной тишине, Саша бежал вприпрыжку на работу в детский сад. Старый ватник плохо держал тепло. Пока Саша бежал, выпуская на ходу изо рта пар, хмель из его головы наполовину выветрился.

– Опять пьяный?! Ну, что с тобой делать, а? – накинулась на него при встрече техничка тетя Настя. – Совсем голову потерял. Как же тебе, ирод ты такой, перед людьми не стыдно? Ведь молодой, мастер на все руки, а жизнь свою губишь по чем зря.

Саша молча прошмыгнул в тесную коморку, отведенную под мастерскую. Дело в том, что, имея высшее электротехническое образование, он взялся помимо обязанностей дворника выполнять еще работу электрика: менять сгоревшие электролампы, ремонтировать светильники и так далее. Прежний электрик ушел в длительный запой и был уволен. Заведующая детским садом Инна Владимировна почему-то прониклась большим доверием к новому работнику и с охотой согласилась на его предложение, установив ему доплату за совмещение профессий. Дело сложилось интересным образом: на работу оформился Угрюмый, но сам не дня не проработал. Он не хотел встречаться с Инной. За него трудился Саша. С тем, что он иногда приходил далеко не трезвым все смирились, кроме тети Насти. Из-за этой вредной технички, которая доставала его хуже пилы, особенно при молодых воспитательницах. Саша шел на работу иногда как на казнь. И он с превеликим удовольствием бросил бы туда ходить, если бы смог найти работу в другом месте. Угрюмый в последнее время начал часто пить запоем, поэтому Саша сделался главным кормильцем «семьи».

Скоро весь детский сад наполнился шумом детских голосов, а Саше все не хотелось выходить из мастерской. Он сидел на табурете за железным столом и, поставив на него локти, бездумно смотрел в окно. В голове было пусто, а на душе мутно. На подоконнике стояла недопитая бутылка водки, оставленная ему ночным сторожем, но он к ней даже не притронулся. Вдруг Саша увидел, как ведомая рыжей собакой к детскому саду медленно подходит девушка в черных очках. Именно эта девушка прошла с тетей Настей мимо него, когда он месяц назад ждал Угрюмого около кабинета Инны Владимировны. Почему-то она уже несколько раз вспоминалась ему. Видимо, чем-то его зацепили.

«Да ничем она меня не зацепила, – поднялся Саша. – Лезут в башку с похмелья всякие глупые мысли. Просто жалко бедную девушку. Вот и все. Любовь и свобода не совместима. А я свою свободу больше ни на что не променяю. К тому же, кто я? Никто. Алкаш и бомж. Живу под чужой крыше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.